М·Ю·ЛЕРМОНТОВЪ

ВЪ РУССКОЙ ПОЭЗІИ

СБОРНИКЪ СТИХОТВОРЕНІЙ

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ В·В·КАЛЛАША·

ИЗДАНІЕ Т-ВА·И·Д·СЫТИНА·

МОСКВА

24669

ПРОВ. 2020

МИХАИЛЪ ЮРЬЕВИЧЪ
ЛЕРМОНТОВЪ
ВЪ РУССКОЙ ПОЭЗІИ.

Инв. № 52

СБОРНИКЪ СТИХОТВОРЕНІЙ.

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ
В. В. КАЛЛАША.

Типографія Т-ва И. Д. Сытина. Пятницкая ул., с. д.
Москва. — 1915.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

И личность и творчество Лермонтова до сихъ поръ еще представляются неразрѣшимой загадкой, вызываютъ самыя противоположныя оцѣнки. О нихъ писали много, но образъ поэта все такъ же неясенъ, таинственеиъ...

Осязательна и могуча Лермонтовская струя въ русской поэзіи. Тургеневъ, Некрасовъ, Никитинъ, Розенгеймъ, Ростопчина, Жемчужниковъ и др. отразили ее, сильнѣе или слабѣе, въ своемъ творчествѣ. Изъ старшихъ и младшихъ современниковъ, не считая, конечно, Пушкина и Жуковскаго, которые всегда шли своими путями, только такія яркія, упругія и самобытныя индивидуальности, какъ Тютчевъ, Баратынскій, Кольцовъ, Фетъ и Языковъ, остались до конца внѣ этого вліянія; всѣ остальные, въ мѣру силы и упругости своего поэтическаго дарованія, подчинились ему.

Слабѣе количественно и, за рѣдкими исключеніями, качественно непосредственныя отраженія личности Лермонтова въ русской поэзіи. Не было почти ни одного русскаго поэта XIX в., который не написалъ бы стихотворенія о Пушкинѣ (составленные мною сборники этихъ стихотвореній, далеко не исчерпывающіе матеріала, представляютъ т р и т о м а); много такихъ стихотвореній о Державинѣ, Веневитиновѣ, Крыловѣ, Гоголѣ... Стихотвореній о Лермонтовѣ очень мало— тѣмъ интереснѣе и цѣннѣе ихъ собраніе.

Они показываютъ, ч т о давалъ Лермонтовъ русскимъ поэтамъ, какъ они понимали его значеніе, особенности его личности и творчества.

Незначительность ихъ количества требуетъ объясненій.

У Лермонтова было мало личныхъ отношеній въ литературныхъ кругахъ. По авторитетному свидѣтельству А. П.

Шангирея, вопреки апокрифическимъ «запискамъ А. О. Смирновой», съ Пушкинымъ онъ знакомъ не былъ; съ Гоголемъ, Тургеневымъ видѣлся только одинъ разъ; знакомство его съ Жуковскимъ и кн. Вяземскимъ было мимолетнымъ. Близокъ онъ былъ только съ кн. А. И. Одоевскимъ, гр. Е. П. Растопчиной и А. А. Краевскимъ. Его манера держаться, байроническія выходки отпугивали многихъ; передъ его талантомъ преклонялись, но личности сочувствовали мало. Къ тому же надъ нимъ тяготѣла и опала; цензура и административная опека мѣшали высказаться и тѣмъ немногимъ, кто могъ и хотѣлъ высказаться. Когда наступила относительная свобода слова—русская жизнь далеко отошла отъ Лермонтова и вернулась къ нему тогда, когда стихотворныя поминки пріѣлись, вышли изъ моды...

Намъ удалось собрать, несмотря на всѣ розыски, немногое, можетъ-быть, случайное. Но все же и эти случайные слѣды поэтической оцѣнки поэта существенно важны.

Въ наступающемъ году минетъ сто лѣтъ со дня рожденія геніальнаго поэта. Давно пора собирать внимательно и любовно все то, что подводитъ насъ такъ или иначе къ рѣшенію его основной загадки...

Кромѣ стихотвореній, посвященныхъ Лермонтову, мы даемъ, въ приложеніи, иноязычныя стихотворенія Лермонтова въ переводѣ русскихъ поэтовъ и стихотворенія, приписываемыя Лермонтову, но, повидимому, принадлежащія другимъ поэтамъ. Послѣдній отдѣлъ, впервые собираемый воедино, можетъ-быть, дастъ толчокъ къ выясненію вопроса о подлинныхъ авторахъ этихъ стихотвореній.

При собираніи матеріала мнѣ очень помогли указанія проф. Д. И. Абрамовича. Приношу ему свою искреннюю благодарность.

Вл. Каллашъ.

ОТДѢЛЪ I.

Иноязычныя стихотворенія М. Ю. Лермонтова въ переводѣ русскихъ писателей.

Лермонтовскія стихотворенія

(въ нѣмецкомъ переводѣ Боденштедта и русскомъ Висковатова).

„Kleine Betrachtungen“ (Размышленія).

1.

Jch bin an meinem Lande kein Verräther,
Und nicht unwürdig bin ich meiner Väter,
Weil ich nicht euch in allen Stücken gleiche,
Und nicht, wie ihr, auf fremden Krücken schleiche.

За то, что родину по-своему люблю я,
Не какъ они, своимъ умомъ живу я,
Они меня измѣнникомъ клеймятъ
И ненавидятъ и бранятъ.

2.

Weil ich bei ihrem Thun vor Scham oft roth bin,
Mir nicht Musik erscheint Geklirr von Ketten,
Und mich nicht lockt der Glanz von Bajonetten:
Behaupten sie, dass ich kein Patriot bin!

За то, что мнѣ не милъ смыслъ ихъ рѣчей,
И не ласкаетъ слухъ мнѣ звукъ цѣпей,
И не въ штыкахъ зрю вольности оплотъ:
Твердятъ они, что я не патріотъ.

3.

Weil ich nicht ganz von altem Korn nud Schrot bin,
Und nicht mit jedem Schritte rückwärts gehe:
Behaupten sie, dass ich kein Patriot bin,
Mein Land nicht liebe und es nicht verstehe.

За то, что я не ихъ закала,
И шагъ за шагомъ не иду назадъ:
Что я не патріотъ,—они твердятъ,—
Что родина мнѣ непонятной стала.

4.

Sie haben recht,--der Teufel mag's verstehen—
Am schnellsten gehn bei uns, die rückwärts gehen,
Weit schneller sie zu ihrem Ziele kommen,
Als ich, der vorwärts seinen Weg genommen!

Чортъ побери! у насъ вѣдь такъ:
Всѣ тѣ, кто пятятся, какъ ракъ,
Скорѣе цѣли достигаютъ;
Ихъ милость и успѣхъ ласкаютъ;
А кто, какъ я, идутъ впередъ—
Ни до чего тотъ не дойдетъ.

5.

Gott segnete mit Augen mich und Füssen—
Doch als ich auf den Füssen gehen wollte,
Und als ich mit den Augen sehen wollte,
Musst' ich's im Kerker als Verbrechen büssen.

Богъ далъ мнѣ ноги, очи далъ,
Но я некстати возмечталъ:
Стоять на собственныхъ ногахъ,

Глядѣть съ открытыми глазами,—
За то я провожу годами
Жизнь или въ ссылкѣ, иль въ цѣпяхъ.

6.

Gott gab mir eine Zunge, aber als
Ich reden wollte, ging's mir an den Hals!
Es ist ein eigen Ding in meinem Land,
Und vundersamer Brauch im Schwunge hier;
Der Kluge braucht zur Dummheit den Verstand,
Zum Schweigen seine Zunge hier!

Когда уста я открывалъ,
Законъ петлей мнѣ угрожалъ...
На сторонѣ моей родной
Обычай заведенъ такой:
Что умъ на глупости намъ данъ;
Языкъ же—каждый долженъ знать
Его на привязи держать.

Kleine Einfälle und Ausfälle (Наброски).

1.

Sie haben mich gepeinigt.
Weil ich zu denken wagte:
Sie haben mich gesteinigt,
Weil ich mein Denken sagte.
Weil ich es sang in Liedern
Voll Wahrheit und voll Gluth—
Sie konnten Nichts erwidern,
Daher die ganze Wuth!

За то, что думать я дерзалъ,
За то они меня и гнали;
Каменьями въ меня бросали,
Когда я думы открывалъ!

Все, чѣмъ душа полна была,
Мои имъ пѣсни открывали;
Какъ отвѣчать—они не знали,
И злоба ихъ ко мнѣ росла.

2.

Die ich mit Füssen getreten.
Weil ich sie als Esel gekannt;
Die mich um Verzeihung gebeten:
Weil ich sie Esel genannt.
Ihr, deren ganze Kunst war
Feig zu gefallen mir.
Als ich noch hoch in Gunst war.
Ein schmucker Kavalier:
Wie seid ihr anders worden.
Wie geht ihr stolz einher,
Im Glanze eurer Orden.
Als kennt ihr mich nich mehr!

Die Zeit hat sich verändert.
Die ihr euch tief gebückt:
Ihr seid jetzt bunt bebändert,
Mit Sternen und Orden geschmückt.
Geht mir nur blind für mich vorbei,
So schont ihr meine Nerven.
Und spart mir die ekle Mühe dabei,
Euch aus der Thüre zu werfen.

Вы всѣ, которыхъ я, бывало,
За пошлый умъ такъ презиралъ,
Въ комъ поведеніе нахала
Я безпощадно бичевалъ...
Какъ выражать ко мнѣ почтенье
Любой изъ васъ тогда спѣшилъ,
Чтобъ я улыбкой одобренья
Его случайно подарилъ.
Перемѣнились вы съ годами:
Идете съ гордымъ вы челомъ

Въ чинахъ, покрыты орденами....
Я сталъ вамъ чуждъ и незнакомъ..
Ступайте мимо—не входите
Въ мой домъ, не шлите мнѣ поклонъ,—
Вы тѣмъ меня не оскорбите,
Но отъ нужды освободите:
Столкнувшись съ вами—гнать васъ вонъ.

3.

Ich neide euch nicht eure Orden.
Noch euren geschmeidigen Rücken—
Beneide nicht was ihr geworden
Durch Kriechen und durch Bücken.
Geniesst das Glück in Demuthlust,
So ist der Dinge Lauf:
Der Eine trägt es in der Brust,
Der And're trägt's darauf.

Нѣтъ, не завидую я вамъ,
Ни жалованнымъ вамъ крестамъ,
Всему, что гибкостью спины
И лестью добывали вы.
Насъ всѣхъ влечетъ различный путь,
Судьба намъ разное даетъ:
Кому даритъ кресты на грудь,
А кто свой крестъ въ груди несетъ.

4.

Und mag man mich verklagen.
Und mag man mit mir rechten;
Ich wasche mich nicht rein—
Doch dies kann ich euch sagen:
Nie hielt ich's mit den Schlechten,
Nie macht'ich mich gemein.

Пускай они меня ругаютъ,
Пускай клевещутъ и бранятъ,
Судомъ и пыткой угрожаютъ,
Они мой духъ не побѣдятъ.

Однимъ путемъ не шелъ я съ ними,
И пошлости я не терпѣлъ;
Съ низкопоклонными и злыми
Дѣлить я жизни не хотѣлъ.

Ihr wolltet mich nicht verstehen,
Ihr habt mir alles genommen:
Nur nicht meinen Stolz und Muth!
Geschlechter kommen und gehen,
Geschlechter gehen und kommen,
Und dieser Wechsel ist gut.
Denn ihr auch werdet vergehen,
Und Andere werden kommen,
Ein neues, gereinigtes Blut—
Die werden mich verstehen.
Wenn sie mein Wort vernommen,
Und dieses Verständniss ist gut.

Вы меня жестоко гнали,
И постигнуть не желали,
Въ чемъ души моей полетъ.
Испыталъ я заточенье,
И насиліе, и гнетъ;
Но я гордо несъ гоненье—
Молодое поколѣнье,
Слава Господу, растетъ!

Вамъ на смѣну выступаетъ,
Кровь дурную обновляетъ,
Мысли новыя несетъ;
Проясняется затменье,
Выступаетъ новый родъ—

Мои думы и стремленья
Молодое поколѣнье,
Славу Господу, пойметь!

6.

Mein Auge war klar, wie deines,
Das mir so selig lacht—
Mein Herz war warm wie Eines.
Man hat es kalt gemacht.
Nichts gutes ist mir geblieben,
Ich musste von allem lassen,—
Der Himmel lehrte mich lieben,
Die Menschen lehrten mich hassen.

Какъ твой, и мой былъ ясенъ взоръ,
Къ добру душа была открыта;
Но, какъ обваломъ съ выси горъ,
Людскою злобою разбита.
И правды міра, можетъ-быть,
Ужъ мнѣ не суждено увидѣть:
Я небомъ призванъ былъ-любить,
Людьми наученъ ненавидѣть.

7.

Wie hab'ich geglüht für das Schöne
In seliger Sängerlust
Wie klangen die Liedestöne
Gewaltig aus meiner Brust!
Ich kämpfte in stolzem Muthe
Mit gutem Fug und Recht
Für alles Wahre und Gute—
Das schien euch schlimm und schlecht:
Ihr habt meine Leier zerschlagen,
Mit meiner Freiheit beraubt,
Durch lange Kerkerplagen
Gebleicht mein junges Haupt.

Da war durch lange Betrachtung,.
Der keine Macht gewehrt.
In grenzenlose Verachtung
Mein Hass zu euch gekehrt.
Ihr habt euch in allen Grössen
Als gute Schergen gezeigt—
Mir Achtung einzuflössen.
Das habt ihr nicht erreicht!

Я полонъ былъ огня и силы,
И пѣсня свѣтлая лилась,
Ото всего, что мракъ могилы
Напоминало,—сторонясь.
И я боролся бодро, смѣло,
Стоялъ за правду, за добро—
И пѣсня далеко звенѣла,
И не понравилось вамъ то.
И лиру вы мою разбили,
Все ненавидя, что свѣтло;
Въ темницѣ раннею покрыли
Вы сѣдиной мое чело.

Во дни гоненья, заточенья,
Я много мыслей перебралъ,
И чувство злобы и презрѣнья
Питать къ вамъ съ ненавистью сталъ.

Да, вы во всѣхъ чинахъ явили
Достойный полицейскій пылъ:
Все, что свободно, вы губили,
Но я главы не преклонилъ.

8.

Ein einzig Wort der Gnade,
Ein einzig Wort der Reue,
Eröffnet mir die Pfade
Der alten Gunst aufs Neue:

Doch lieber zusammenbräche
Ich hier in Kerker und Ketten,
Eh' ich ein Wort nur spräche
Durch Lüge mich zu retten.

Одно раскаянія слово
Зовутъ меня произнести—
И предо мной откроютъ снова
Къ почету, къ милости пути.
О, нѣтъ! тюремное томленье
И цѣпи легче мнѣ влачить,
Чѣмъ вымолить себѣ прощенье,
Иль ложью милость искупить.

9.

Wohl ohne mein Verschulden
Geduldet hab' ich genug,
Und frei sein möcht' ich nun—
Doch lieber will ich dulden
Noch mehr, als durch Verschulden
In eurem Lug und Trug
Euch Herrn es gleichzuthun!

Несу безвинно я гоненья—
Какъ бы хотѣлъ я отдохнуть!
Въ кругу родномъ свои мученья
Забыть бы, и вольнѣй вздохнуть!
Но лучше мнѣ въ тюрьмѣ томиться,
Чѣмъ съ ложью вашей породниться.

10.

Klagt nicht ob meinem Verhängniss,
Nicht, dass die Frommen und Reinen
Mich von sich ausgestossen!
Ihr auch wohnt im Gefängniss.
Ich wohne in einem kleinen,
Ihr wohnt in einem grossen.

Не плачьте надъ моей судьбою,
Надъ одиночествомъ моимъ,
Что ненавидимъ и гонимъ.
Межъ вами разница и мною:
Что въ тѣсной я тюрьмѣ томимъ,
Томимы вы тюрьмой большою.

11.

Klagt nicht ob meinen Leiden
In diesen Kerkermauern—
Ich lasse euch eure Freuden,
Und schenke euch euer Bedauern.

Да, я въ темницѣ, въ заточеньѣ...
Не соболѣзнуйте, прошу!
Дарю вамъ ваше сожалѣнье,
Чѣмъ вы счастливы—не ищу.

Hinaus (На просторъ).

Wild heulen die Donner.
Laut prasselt der Regen.
Bang, fliehen die Menschen
Von Aeckern und Wegen.
Sie suchen nach Obdach
Im schützenden Haus:
Ich möchte hinaus
Aus dem schützenden Haus!
Ich möchte hinaus.
Und lieber verkommen
In Stürmen und Blitzen,
Im Wetter und Graus,
Als länger hier sitzen
Im schützeuden Haus—
Ich möchte hinaus!

Ливень, вой бури
Подъ трескомъ громовъ!
Люди бѣгутъ
Подъ спасительный кровъ
Съ поля, съ луговъ
И со стонущихъ горъ...
Я жъ рвуся на волю,
Рвусь на просторъ!
Легче на волѣ!..
Пусть гибель грозитъ
Мнѣ подъ громами,
Гдѣ буря шумитъ.
Душенъ мнѣ кровъ,
Какъ тюремный затворъ...
Дайте мнѣ волю,
Дайте просторъ!

Le blessé (Раненый).

(Во французскомъ переводѣ А. Дюма и русскомъ—Висковатова).

Voyez vous ce blessé qui se tord sur la terre?
Il va mourir ici, près du bois solitaire,
Sans que de sa souffrance un seul coeur ait pitié.
Mais ce qui doublement fait saigner la blessure
C'est qu' en se souvenant. il se sent oublié.

Какъ звѣрь подстрѣленный, у лѣса онъ лежалъ...
Вокругъ безмолвная природа.
Сочилась кровь—онъ тихо умиралъ
Безъ ласки теплой и ухода.
А думы вдаль летятъ—минуты сочтены;
И въ немъ сильнѣй тоска и муки—
Онъ знаетъ, что забытъ, хоть ею полны сны,
Хоть къ ней простеръ хладѣющія руки [1]).

---

[1]) Висковатовъ. „Соч. Л—ва". I, 350—358.

Д. Д. Минаевъ.

Мелочи и отрывки.

Нѣтъ, я не измѣнялъ родной странѣ,
Своихъ отцовъ достоинъ я вполнѣ
И походить на васъ нисколько не желаю:
На костыляхъ чужихъ, какъ вы, не ковыляю.

Не потому ль, что стыдъ за васъ мнѣ щеки жжетъ,
Что звонъ цѣпей мнѣ слуха не ласкаетъ,
Что блескъ штыковъ меня не привлекаетъ,
Кричите вы, что я не патріотъ?

Не потому ль, что я не старовѣръ, что въ жилахъ
Кровь у меня кипитъ, и я стремлюсь впередъ,
Вы утверждаете, что я не патріотъ
И край родной любить и понимать не въ силахъ?

Можетъ-быть, они и правы: тутъ самъ бѣсъ собьется
съ толку.
Тотъ у насъ идетъ быстрѣе, кто всегда назадъ ползетъ
И своей достигнетъ цѣли незамѣтно, втихомолку,
Между тѣмъ я въ это время только двинулся впередъ.

Глаза и ноги Богъ мнѣ даровалъ; когда жъ
Хотѣлъ я сдѣлать шагъ, испытывая зрѣнье,
Хотѣлъ взглянуть на міръ печальный нашъ,—
Ждала меня тюрьма за это преступленье.

Языкъ мой—Божій даръ; но я заговорилъ,
И что-то вдругъ сдавило мнѣ дыханье.
О, странный край! здѣсь разумъ нуженъ былъ
Всегда для глупости, языкъ же—для молчанья.

Они меня за то терзали безъ пощады,
Что я осмѣлился свободно размышлять,
И закидать меня камнями были рады
За то, что мысль свою я не умѣлъ скрывать.

Когда же пѣлъ со скорбью гражданина
Я пѣсни, полныя и правды и огня,
Заставить не могли они молчать меня,—
И вотъ ихъ бѣшенства безсильнаго причина!

Всегда я чувствовалъ къ вамъ полное презрѣнье,
Названіемъословъ клеймилъ васъ, шельмовалъ,
И все же у меня просили извиненья
Въ томъ, что я васъ ослами величалъ.

Когда я въ обществѣ блисталъ, вы съ малолѣтства,
Льстецы, позоръ которымъ не въ позоръ,
Употребляли все искусство и всѣ средства,
Чтобъ мнѣ понравиться, поймать одинъ мой взоръ.
Теперь совсѣмъ не то. Вы въ силѣ и въ почетѣ,
Въ блестящихъ орденахъ; у васъ и видъ иной,
И вы уже меня въ толпѣ не узнаете,
Хоть пресмыкались такъ недавно предо мной.

Какъ измѣнились времена!
Вы были горе-люди,
Была гибка у васъ спина,
А нынче звѣзды, ордена
Покрыли ваши груди.
Идите мимо, господа,
Васъ не желаю никогда
Встрѣчать; по крайней мѣрѣ...
Меня избавьте отъ труда
Васъ вышвырнуть за двери.

Ни вашимъ чинамъ, ни крестамъ не завидую,
Ни вашей холопской спинѣ;
И сходство съ такими людьми я обидою
Позорной считалъ бы вполнѣ.
Ликуйте! подобный порядокъ является
Не новымъ. Весь міръ исходи:
Все то, что въ груди одного сохраняется,
То носитъ другой на груди.

Пусть обвинятъ меня и предадутъ суду,—
Молчаніемъ однимъ отвѣчу на вражду...
Оправдывать себя—какое униженье!
Одно могу сказать передъ лицомъ суда,
Что съ низкими людьми не ладилъ никогда
И не былъ пошлякомъ ни одного мгновенья.

Вы отняли все у меня, что имѣлъ я, но силы
И гордости вамъ не отнять у меня до могилы;
Какъ жилъ я, такимъ и умру.
Мелькая, какъ тѣни, какъ грезы капризной видѣнья,
Идутъ, чередуясь одно за другимъ, поколѣнья,
И смѣна такая къ добру.
Пройдете и вы, и займутъ ваше мѣсто другіе:
Ихъ кровь будетъ чище, разумнѣй дѣянья благія,—
Тогда на житейскому пиру
Поймутъ меня люди, и будетъ для каждаго ново
И памятно долго мое позабытое слово:
Оно прозвучало къ добру.

Такъ же ясны глаза мои были,
Какъ и очи твои, что глядятъ на меня такъ блаженно,
Горячо было сердце мое, но его постепенно,
День за днемъ навсегда охладили.
Дорогихъ, лучшихъ благъ я лишился
И людскую неправду привыкъ понимать и предвидѣть...
Я у неба любить научился,
А пожившіи съ людьми, научился людей ненавидѣть.

Какъ пылко въ прошлые года
Все то любилъ я, что прекрасно,
И пѣсни звучныя тогда
Изъ сердца вырывались страстно;
Съ житейскимъ зломъ вступилъ я въ бой
Безтрепетно, съ сознаньемъ права;
А вы, довольные собой,
Смѣялись надо мной лукаво.
Разбивши лиру и пѣвца,
Меня свободы вы лишили,

Въ тюрьмѣ терзая безъ конца,
Чело сѣдинами покрыли.
Тогда-то я привыкъ молчать,
Ушелъ въ себя, въ свои сомнѣнья,
И сталъ къ вамъ ненависть питать
И безграничное презрѣнье.
Какъ соглядатаи, вполнѣ
Своей вы достигали цѣли,—
Но этимъ возбудить во мнѣ
Лишь отвращеніе сумѣли.

Довольно было слова одного,
Раскаянья, единственнаго слова,
Чтобъ съ прежней благосклонностью ко мнѣ,
Враги мои, вы отнеслись снова;
Но я скорѣй сгнію въ тюрьмѣ, въ цѣпяхъ,
Чѣмъ вамъ, мои гонители, въ угоду,
Смиренно слово выскажу одно,
Чтобъ ложью воротить себѣ свободу.

Безъ вины я страдалъ безконечно
И свободою брежу теперь;
Но пусть лучше тюремная дверь
Взаперти стережетъ меня вѣчно,
Чѣмъ стоять, господа, съ вами мнѣ
Въ шутовствѣ и во лжи наравнѣ.

Заключеннаго въ тюрьму
Вы жалѣете. Къ чему?
Вѣдь для всѣхъ людей, безспорно,
Жизнь всегда тюрьмой была:
Лишь у васъ тюрьма просторна,
А моя тюрьма—мала.

Мнѣ сожалѣнья не нужно, и къ словамъ
Участія я глухъ; тая свои страданья,
Я ваши радости всѣ оставляю вамъ
И вамъ дарю я ваше состраданье.

Hinaus.

Съ шумомъ дождь струится,
Слышенъ грохотъ грома,
И спѣшатъ укрыться
Всѣ подъ кровлей дома.
Мнѣ же для простора
Нуженъ свѣтъ раздольный:
Я изъ-подъ затвора
Рвусь на воздухъ вольный.
Жадно рвусь на волю
И за гнетъ суровый
Проклинаю долю
Узника, готовый,
Какъ былинка, сгинуть
Подъ грозою въ полѣ,
Только бы мнѣ вынуть
Жребій—быть на волѣ! [1])

С. Яхонтовъ.

Затерянныя стихотворенія М. Ю. Лермонтова.

(Переводъ изъ Боденштедта).

I.

Мои глаза когда-то, какъ твои,
Горѣли ясною надеждою на счастье;
Душа была полна святой любви,
Я ждалъ, какъ ты, и ласки и участья.
Но годы шли... Я къ жизни охладѣлъ.
Въ людскихъ дѣлахъ коварство сталъ я видѣть:
Мнѣ въ сердцѣ Богъ любовь запечатлѣлъ,
А люди научили ненавидѣть.

---

[1]) „Истор. Вѣстн.“ 1883, IX, 595—600.

II.

Узникъ.

Бушуетъ буря. Громъ гремитъ.
Дождь дико хлещетъ и шумитъ.
Съ полей въ испугѣ всѣ бѣгутъ
Найти защиту и пріютъ.
А я одинъ въ тюрьмѣ моей.
О, воли, воли мнѣ скорѣй!
Пускай погибну въ бурѣ я,
Какъ въ морѣ утлая ладья,—
Я съ небомъ, съ молніей въ бою
Хочу окончить жизнь свою!
Мнѣ душно здѣсь въ тюрьмѣ моей...
О, дайте жъ волю мнѣ скорѣй! [1]).

П. Я. (П. Ф. Якубовичъ).

Затерянныя стихотворенія Лермонтова.

(Изъ Фридриха Боденштедта).

I.

Какъ твои глазки смѣются, дитя,
Какъ горячо въ тебѣ сердце!—И были
Дни, когда такъ улыбался и я:
Люди мой пылъ охладили...
Цѣпью сковали порывы мои,
Гордыя крылья мечты сокрушили...
Небо меня поучало любви,
Люди же злобѣ меня научили!

„Міръ Божій“, 1898, X 224.

II.

Не хотѣли меня вы понять... У меня
Все вы отняли въ утро весенняго дня!
Не убита лишь гордость моя и отвага.
Поколѣнья идутъ, какъ волна за волной—
За приливомъ отливъ, за отливомъ прибой,—
И безсмертная смѣна ихъ—благо!
Вы пройдете... Другіе придутъ вмѣсто васъ,
Съ кровью свѣжей и чистой, въ которой не разъ
Благородная вспыхнетъ отвага.
И они-то, коль пѣсни мои не умрутъ,
Хоть они мои думы и муки поймутъ,—
И работа ихъ будетъ на благо!

III.

Дождь хлещетъ, рокочутъ
Удары сердитые грома,
И люди пугливо укрылись
Подъ теплою кровлею дома.
Туда все живое стремится
Съ дороги, съ открытаго поля.
А я... Мнѣ не теплая кровля,—
Нужна мнѣ раздольная воля!

На волю! на дикую волю!
И лучше погибнуть хочу я
Въ объятіяхъ огненныхъ бури,
Въ безумьи ея поцѣлуя.
О, лучше на ужасы грома
Смѣнилъ бы я узника долю:
Туда бы, за душныя стѣны,
На волю, на волю, на волю!.. [1]).

---

[1]) П. Я., Стих., СПБ., 1898, 167—168.

IV.

Нѣтъ, не измѣнникъ я отчизнѣ дорогой,
Я сынъ отцовъ моихъ! Но васъ, холоповъ темныхъ,
Чуждаюсь—это такъ. Я—съ гордою душой
И не ползу на костыляхъ заемныхъ.
Я могъ еще краснѣть за ваши преступленья,
Не слышать музыки въ бряцаніи оковъ,
Не видѣть красоты въ сверканіи штыковъ—
Меня предателемъ вы звали безъ смущенья!
Какъ вы, не пячусь я, но все иду впередъ,
Покрой отсталый вашъ, закалъ вашъ презираю:
Рѣшили вы, что я не понимаю
Страны родной, что я не патріотъ!

V.

Едва я началъ размышлять
Они вскочили въ изумленьи;
Я мысль мою посмѣлъ назвать—
Они схватились за каменья.
Когда же пѣсню я пропѣлъ,
Сознаньемъ правды гордъ и свѣтелъ,
Никто мнѣ въ страхѣ не отвѣтилъ,
Хоть каждый яростью кипѣлъ!

VI.

Вы, кого ногами я
Попиралъ въ пылу презрѣнья
И въ глаза ослами звалъ;
Вы, которые прощенья
У меня же шли просить
Въ дни моей салонной славы,
Улыбаясь рабски мнѣ,—
Какъ теперь вы величавы!
Не узнать: вся грудь блеститъ
Орденами, орденами,
И, не глядя на меня,
Вы проходите царями...

VII.

Проходите! намъ не по пути!
Знать, таковъ порядокъ въ этой жизни:
У того, кто плачетъ объ отчизнѣ,
Крестъ въ груди, у васъ же—на груди...

VIII.

О судьбѣ не жалѣйте моей,
Ни о томъ, что отъ дружбы своей
Оттолкнули меня лицемѣры.
Не жалѣйте! въ тюрьмѣ вы, какъ я!
Все различіе въ томъ лишь, друзья,
Что у вашей побольше размѣры...

IX.

Нѣтъ, не кляните вы судьбу мою
И объ моемъ не плачьте заточеньи:
Вамъ ваши радости дарю,
Вамъ возвращаю сожалѣнье!

X.

«Одно лишь слово покаянья—
И снова жизнь твоя въ цвѣтахъ».
Но лучше я умру въ цѣпяхъ,
Въ тюрьмѣ, или въ странѣ изгнанья
Найду могилу безъ креста,
Чѣмъ ложью оскверню уста,
Чтобы спастись отъ поруганья!

XI.

Безъ вины настрадался я вволю!
И хотѣлъ бы на волю, на волю!
Но готовъ безъ конца я страдать
Мукой бо́льшею, если возможно,
Лишь бы въ уровень съ вами не стать,
Съ вашей грязью и святостью ложной!..

XII.

(Заключительная строфа „Сказки для дѣтей“).

Умолкнулъ демонъ, и—читатель мой!—
Я тоже смолкну, хоть и съ грустью тайной...
Мою поэму отческой рукой
Отъ лишнихъ словъ, отъ рѣзвости случайной
Спасаетъ цензоръ, мой судья глухой.
Такъ, часто крылья я хочу расправить,
А мнѣ велятъ тотчасъ же точку ставить...
И гибнетъ все, плѣнительная даль
Широкихъ замысловъ и самая мораль!
Но я хочу быть образцомъ смиренья—
Вотъ почему нѣтъ въ сказкѣ заключенья [1]).

П. К. Мартьяновъ [2]).

A Madame Hommaire de Helle.

Лермонтова.

Près d'un bouleau qui balance
Son tronc dessèché et luisant,
Tout dénudé par les vents d'autan,
Je m'assois, fatigué, sur la route.
Attentif,—longuement,—j'écoute
La grande voix du silence.
De loin je vois blanchir une ombre,
Une ombre qui vient doucemant,
Son tiède parfum distillant.
Elle vient à moi en courant;
Puis disparaît subitement,
Et se perd dans la nuit sombre.
C'est la poussière qui poudroie,
Un tas de feuilles qui tournoie;

---

[1]) Стих., I, СПБ. 1902.
[2]) „Историческій Вѣстникъ“, 1893, XII.

La chaude bouffée qu'exhalait
Le vent parfumé de la nuit,
En s'avançant à petit bruit,
Un serpent glissait sur les galets.
Raempli d'une amère tristesse,
Je me couche dans l'herbe épaisse.
Las d'attendre, je m'endors soudain.
Tout-à-coup tremblant je m'éveille:
Sa voix me parlait á l'oreille,
Son pied effleurait le mien.

Г-жѣ Гоммеръ де Гелль.

У склона дороги, къ березкѣ опалой,
Согбенной въ порѣ увяданья,
Съ надеждой на встрѣчу сажусь я, усталый,
Подъ жгучія вѣтра лобзанья.
И внемлю, любуясь зарей блѣдноалой,
Могучимъ глаголамъ молчанья.
Смотрю, въ отдаленьи какъ будто мелькнула
Тѣнь женщины милой нежданно.
Подходитъ, склонилась, о счастьѣ шепнула,
О страсти и нѣгѣ желанной,
Теплом, ароматомъ на душу пахнула,
И скрылася въ дымкѣ туманной.
Степь дремлетъ, лишь вѣтеръ съ утесистой кручи,
Срываясь, въ долинѣ рѣзвится,
Взвивается пыль надъ дорогою тучей
И клубомъ листъ палый кружится,
Да въ рытвинѣ змѣйка подъ травкой пахучей
Безшумно скользитъ и тается.
Печальный и грустный, объятый тоскою,
Заснулъ я въ травѣ сиротливо,
Вдругъ слышу какъ будто шаги за собою,—
Я вздрогнулъ, проснулся,—о диво!
Склоняется робко она надо мною,
Чуть ножкой касаясь стыдливо.

ОТДѢЛЪ II.

Стихотворенія, приписываемыя М. Ю. Лермонтову.

1.

Евфразія.

(Подражаніе Четьимъ-Минеямъ).

Суровый римлянинъ Евфразію узрѣлъ,
И страстью пламенной язычникъ закипѣлъ.
Окованъ латами, никѣмъ непобѣжденный,
Стоялъ предъ нею онъ колѣнопреклоненный,
Очами жадными онъ страстью пожиралъ
И юный станъ ея, и перси наливныя,
Ланиты блѣдныя и очи голубыя,
И, какъ предъ ланью тигръ, невольно трепеталъ.
«Отдайся, дѣва, мнѣ!» молилъ онъ въ изступленьѣ:
«Я всѣхъ боговъ, всю жизнь забуду для тебя!
Смирись, невѣрная; къ чему сопротивленье?
Не вынуждай насилья у меня!»
За вѣру во Христа осуждена разврату,
И видя близкую невинности утрату,
Внезапной мыслію съ небесъ озарена,
Безумцу весело воскликнула она:
«Послушай, римлянинъ! Есть у меня два дара...
Невинность — я ее рѣшилася отдать...
И мурро дивное: отъ всякаго удара
Всю будетъ жизнь оно тебя спасать!
Рѣшайся, выбирай! Но помни: наслажденье
Промчится мигъ одинъ; а мурро защититъ

Отъ конiй вражескихъ тебя въ пылу сраженья,
И слава о тебѣ повсюду загремитъ!»
И гордый римлянинъ, томимый жаждой славы,
На чудную въ волненiи взиралъ...
Слѣдилъ ее сомнительно-лукаво.
И длинный мечъ невольно обнажалъ..
Межъ тѣмъ Евфразiя омыла мурромъ шею,
Подставила ее безумному злодѣю,
Чтобъ убѣдить его... Взлетѣлъ широкiй мечъ,
И юная глава скатилась съ бѣлыхъ плечъ [1]).

2.

Повѣрю совѣсти присяжнаго дьяка
Повѣрю доктору, жиду и лицемѣру,
Повѣрю, наконецъ, я чести игрока,
Но клятвѣ женской не повѣрю.

3.

Винтовка пулю вѣрную послала,
Свинцовая запѣла и пошла.
Она на грудь несчàстливца упала
И глубоко въ нее вошла.
И забаюкала ее, и заласкала,
Безъ просыпа, безъ мукъ страдальцу сонъ свела,
И возвратила то, что женщина отняла,
Что свадьба глупая взяла.

4.

Привѣтствую тебя я, злое море,
Широкое, глубокое для думъ!
Стою и слушаю: все тотъ же шумъ
И вой валовъ въ твоемъ просторѣ,
Все та же грусть въ ихъ грустномъ разговорѣ.

---

[1]) „Русскiй Архивъ“, 1864, 1043—1045. Примѣчанiе: „продиктовано на Кавказѣ офицеромъ г. Самойловичемъ Г. П. Данилевскому за молодое Лермонтовское. Присылая намъ это стихотворенiе, г. Данилевскiй не ручается за его подлинность и, сомнѣваясь въ его принадлежности Л—ву, ждетъ на этотъ случай поясненiя дѣла отъ болѣе опытныхъ судей“.

5.

Не измѣнилося ни въ чемъ ты, злое море,
Но измѣнился я, но я ужъ не такой!
Съ тѣхъ поръ, какъ въ первый разъ твои буруны—горы
Увидѣлъ я,—припомнилъ сѣверъ свой,
Припомнилъ я другое злое море,
И край другой, и край другой!..[1]).

6.

Когда я гордую, блистательную даму
Встрѣчаю въ обществѣ порой,
Мнѣ больно, мнѣ смѣшно, невольно въ эпиграмму
Ложится стихъ упрямый мой.
О, сколько я готовъ насмѣшекъ злыхъ, обидныхъ,
Упрековъ горькихъ насказать,
Чтобы въ глазахъ ея, потухшихъ и безстыдныхъ,
Огонь досады прочитать!
Я бъ счастливъ, веселъ былъ, когда бы пробѣжала
Дрожь злости по атласу плечъ.
Когда бы ненависть ей губы сжала
И прервалась пустая рѣчь,
Досадой полная и злобою безплодной!
Я всей душою былъ бы радъ
Изъ этой муміи бездушной и холодной
Извлечь хоть ненависти ядъ!
Досадно видѣть мнѣ, какъ все на свѣтѣ чинно,
Какъ тамъ разсчитанъ каждый взглядъ,
Какъ вѣчно всѣ глядятъ съ улыбкой именинной
И точно такъ же говорятъ;

---

[1]) „Сборникъ литер. статей, посвящ. памяти Смирдина“. III. СПБ., 1858, 353—358. Примѣчаніе: Доствл. „И. Д. С—ымъ. Лермонтовъ умеръ въ 1841 г. на рукахъ офицера, выслужившагося изъ солдатъ. При умершемъ поэтѣ находилась тетрадь стихотвореній, сочиненныхъ Л—ымъ и написанныхъ собственной рукой его; тетрадь эта досталась г. Трофимовичу, служившему на Кавказѣ; въ 1844 г., будучи проѣздомъ въ Харьковѣ, онъ продиктовалъ изъ нея Н. Ѳ. Щербинѣ столько стиховъ, сколько помнилъ наизусть, такъ какъ подлинникъ оставленъ былъ имъ въ Одессѣ. Вотъ эти стихи“...

Какъ чувства всѣ и чопорны, и странны,
Умы и лица такъ равны,
И радость и печаль равно такъ деревянны,
И неподвижны, и смѣшны.
Какъ эти женщины, которыя могли бы
Намъ счастье въ жизни подарить,
Безчувственны, какъ пни, и холодны, какъ рыбы,
Когда ихъ вздумаешь любить!
И, позабывъ благой природы назначенье
Насъ въ этой жизни утѣшать,
Въ тщеславной гордости и глупомъ ослѣпленьи
Стремятся женщины блистать!
Дни долги имъ, а ночи имъ коротки,
На щечкахъ нездоровья цвѣтъ,
Румянецъ роковой, губительной чахотки
Грозитъ имъ смертью въ цвѣтѣ лѣтъ!
А между тѣмъ и счастье и отраду
Могли бъ вокругъ себя разлить,
За жизнь тяжелую для сердца дать награду
И міръ любовью искупить.
Могли бъ напоминать безумцамъ въ шумѣ свѣта
О чудной благости Творца,
И на груди своей покоить и поэта
И геніальнаго глупца [1]).

7.

Забываю любовь;
Мнѣ не хочется вновь
Испытать, что я прежде извѣдалъ.
Грусть имѣлъ я до дна;
Богъ съ тобой, старина!—
Все я въ жертву забвенію предалъ.
И ни прелесть очей,
И ни сладость рѣчей
Не властны надъ душою свободной;

---

[1]) „Журналъ для всѣхъ“, 1896, 2.

Если бъ вспыхнула страсть,
Умъ возьметъ свою власть—
И насмѣшкой обидитъ холодной.
Что любовь? это бредъ
Юныхъ, пламенныхъ лѣтъ,—
Жениховъ и невѣстъ только ловля.
Нѣтъ любви!... иль она
Людямъ въ откупъ дана,—
Безтарифная свѣта торговля!
Тотъ умомъ, тотъ ползкомъ,
Тотъ тугимъ кошелькомъ,
О товарѣ хлопочутъ желанномъ;
На одинъ поютъ ладъ,
И одинъ результатъ:
Человѣчество бредитъ приданымъ.
Деньги—вотъ главный тонъ,
Вор.... [1]) мильонъ.
Жизни выгода главная тема...
Вотъ каковъ нынче бракъ!
И препошлый дуракъ,
Кто въ супружествѣ ищетъ эдема!
Ты войдешь, правда, въ рай,
Но покой твой прощай,
И простится воля златая:
Пылъ любви отойдетъ
И тебя черезъ годъ
Твой же ангелъ изгонитъ изъ рая.

Отвѣтъ на придирчивую рецензію.

Когда поэта міръ надменный
Насмѣшкой злобною клеймитъ,
Онъ пѣсенъ звучныхъ даръ священный
Въ немъ не убьетъ, не распалитъ.
Пѣвцу не страшенъ ядъ пророка,

[1]) Не разобрано въ оригиналѣ.

Пѣвецъ съ толпой не вступитъ въ бой,
Но, какъ орелъ вспаривъ высоко,
Міръ броситъ низко подъ собой.
И чернь шумитъ, кричитъ, взываетъ,
Пѣвца съ собой на судъ зоветъ;
Онъ въ струны смѣло ударяетъ—
И стихъ безсмысленный народъ!
И вотъ поетъ онъ, вдохновенный,
Съ восторгомъ сладостнымъ, живымъ,
И рукоплещетъ рабъ презрѣнный,
Склонившись долу передъ нимъ! [1]).

9.

Разлука.

Гдѣ ты, радость? гдѣ ты, счастье
Сиротѣющей души?
Словомъ дальняго участья
Ропотъ сердца утиши!
Пронесись ко мнѣ душою
И, страдальца осѣня,
Благодатью неземною
Улыбнися на меня.
Взоромъ нѣжности любимой
Ты, любимая, отвѣй
Грусть души, тоской томимой
Въ безпріютности своей,
Къ моему ты изголовью
Невидимкою прильни!
Слово нѣжное съ любовью
Сердцу сжатому шепни;
Дай на мигъ хоть обмануться,
Хоть во снѣ мнѣ какъ-нибудь,
Отъ печали дай проснуться,
Отъ разлуки отдохнуть [2]).

---

[1]) „Наше Время“, 1862, № 190, стр. 760.

[2]) „Современникъ“ 1854, XLVI, № 7, стр. 6. Прислано близкимъ знакомымъ Л-ва, М. Н. Лонгиновымъ.

10.

Когда легковѣренъ и молодъ я былъ,
Браниться и драться я страстно любилъ.
Обѣдать однажды сосѣдъ меня звалъ;
Со мною заспорилъ одинъ генералъ.
Я свѣта не взвидѣлъ... Стаканъ зазвенѣлъ
И въ рожу злодѣя стрѣлой—полетѣлъ.
. . . . . .
Мой рабъ вечеркомъ, какъ свершился ударъ,
Ко мнѣ, на гауптвахту, принесъ самоваръ [1]).

11.

Эпиграммы.

1.

Пятигорску.

Очаровательнъ Кавказскій нашъ Монако!
Танцоровъ, игроковъ, бретеровъ въ немъ толпы;
Въ немъ лихорадятъ насъ вино, игра и драка,
И жгутъ днемъ женщины, а по ночамъ клопы.

2.

Льву Пушкину.

Въ игрѣ, какъ левъ, силенъ
Нашъ Пушкинъ Левъ,
Бьетъ короля бубенъ,
Бьетъ даму трефъ.
Но пусть всѣхъ королей
И дамъ онъ бьетъ
Ва—банкъ! и тузъ червей
Мой—банкъ сорветъ!

---

[1]) „Русскій Архивъ“, 1877, II, стр. 263. Записано Толычовой со словъ кн. В. М. Голицына.

3.

Глѣбову.

Милый Глѣбовъ,
Сродникъ Фебовъ,
Улыбнись,
Но на Надѣ,
Христа ради,
Не женись!

4.

Мартынову.

Скинь бешметъ свой, другъ Мартышъ,
Распоясься, сбрось кинжалы,
Вздѣнь броню, возьми бердышъ
И блюди насъ, какъ хожалый!

5.

Кн. С. В. Трубецкому.

Смѣло въ пирѣ жизни надо
Пить фіалъ свой до конца,
Но лишь въ битвѣ смерть—награда,
Не подъ стуломъ, для бойца.

6.

Кн. Александру Васильчикову.

Великъ князь Ксандръ, и тонокъ, гибокъ онъ.
Какъ колосъ молодой,
Луной сребристой ярко освѣщенъ,
Но безъ зерна—пустой.

7.

Ему же.

Нашъ князь Василь—
Чиковъ—по батюшкѣ,
Шефъ простофиль,
Глупцовъ—по дядюшкѣ,
Идя въ кадриль
Шутовъ—по зятюшкѣ,
Въ рѣчь вводитъ стиль
Донцовъ—по матушкѣ.

8.

Верзилиным ъ.

Предъ дѣвицей Emilie
Молодежь лежитъ въ пыли,
У дѣвицы же Nadine
Былъ поклонникъ не одинъ,
А у Груши цѣлый вѣкъ
Былъ лишь дикій человѣкъ.

9.

Н. П. Верзилиной.

Надежда Петровна,
Зачѣмъ такъ неровно
Разобранъ вашъ рядъ,
И локонъ небрежно
Надъ шейкою нѣжно...
На поясѣ ножъ.
C'est un vers qui cloche.

10.

Мартынову.

Онъ правъ! Нашъ другъ Мартышъ не Соломонъ,
Но Соломоновъ сынъ,
Не мудръ, какъ царь Шалима, но уменъ,
Умнѣй, чѣмъ жидовинъ.
Тотъ храмъ воздвигъ, и сталъ извѣстенъ всѣмъ
Гаремомъ и судомъ,
А этотъ храмъ и судъ и свой гаремъ
Несетъ въ себѣ самомъ.

11.

Мерлини.

Слишкомъ мѣсяцъ у Мерлини
Разговоръ велся одинъ:
Что творится у княгини,
Здравъ ли вѣрный паладинъ.
Но съ недѣлю у Марлини
Перемѣна—рѣчь не та,
И вкругъ имени княгини
Обвилася клевета.
Пьеръ обѣдалъ у Марлини,
Вздилъ съ ней въ Шотландку разъ,
Не понравилось княгинѣ,
Вышла ссора за Каррасъ.
Пьеръ отрекся... и Марлини,
Какъ тигрица, взбѣшена;
Въ замкѣ храброй героини,
Какъ предъ штурмомъ, тишина.

12.

Калужскому помѣщику.

Онъ мѣтилъ въ умники, попался въ дураки,
Ну, стоило ли ѣхать для того съ Оки!

13.

Э. А. Верзилиной.

Зачѣмъ, о счастіи мечтая,
Ее зовемъ мы: гурія?
Она, какъ дѣва—дѣва рая,
Какъ женщина же—фурія.

14.

Ильяшенкову.

Мои друзья вчерашніе—враги,
Враги—мои друзья,
Но, да проститъ мнѣ грѣхъ Господь Благій,
Ихъ презираю я...
Вы также знаете вражду друзей
И дружество врага,
Но чѣмъ ползущихъ давите червей?..
Подошвой сапога.

15.

Имъ жизнь нужна моя,—ну, что же, пусть возьмутъ,
Не мнѣ жалѣть о ней!
Въ наслѣдіе они одно пріобрѣтутъ—
Клубъ ядовитыхъ змѣй.

16.

Ну, вотъ теперь у васъ для разговоровъ будетъ
Дня на три тема
И, вѣрно, въ васъ къ себѣ участіе возбудитъ
Не Миллеръ—Эмма [1]).

---

[1]) Мартьяновъ, „Дѣла и люди вѣка“, I, Спб., 1893, стр. 33, 46, 47, 48, 61, 64, 65, 67, 68, 69, 77, 78, 84.

12.

И на театрѣ, какъ на сценѣ свѣта,
Мы не выходимъ изъ балета:
Захочется ль кому
Къ честямъ и званіямъ пробить себѣ дорогу,
Работы нѣтъ его уму—
Умѣй онъ поднимать лишь ногу [1]).

13.

Смерть.

Она придетъ неслышно, невидимо,
И встанетъ мрачная у моего одра,
И скажетъ мнѣ съ тоской невыразимой:
Пора!
И стану я молить непрошенную гостью:
Я жить хочу... Оставь мнѣ жизнь и свѣтъ!
И стану я молить съ слезами и со злостью
И—нѣтъ!
Она дохнетъ прохладой темной ночи,
Желѣзною рукой мою надавитъ грудь,
Тихонько навсегда мои закроетъ очи,—
И въ путь!
И къ жизни той она меня разбудитъ,
Гдѣ, можетъ-быть, невѣдома печаль;
Но жизни той печальной жаль мнѣ будетъ,—
Да, жаль! [2])

---

[1]) Будто бы Лермонтовское стихотвореніе, переданное Хохрякову пріятелемъ поэта, С. А. Раевскимъ (Висковатовъ, соч. Лермонтова, I, 360).

[2]) Напечатано было съ фамиліей Лермонтова въ газетѣ „Вечеръ“ и „Моск. Вѣд.“ 1894 г., въ „Радугѣ“ 1833, 2, съ подписью „Росиньоль“, въ „Библ. для чтенія“ и „Развлеченіи“ (конца 60 или начала 70-хъ гг.). См. „Русское Обозрѣніе“, 1896, апрѣль, май. „Новое Время“ (1896) приписываетъ его борону Розену („Ай-Булатъ“) и утверждаетъ, что оно было напечатано въ „Литер. Прибавл. къ Рус. Инвалиду“ 40-хъ гг.

14.

И ты думаешь, бутдо я хладенъ и нѣмъ?
Малютка, подъ этимъ молчаньемъ
Таится ужасная буря. Зачѣмъ
Вырываться наружу ей тяжкимъ рыданьемъ?
Что я гордо смотрю на презрѣнныхъ людей—
Ты за то ли меня упрекаешь?
Но тѣ люди торгуютъ рукою твоей,
Твоимъ сердцемъ хотятъ торговать. Ты ихъ
знаешь...
Дай мнѣ руку твою! Посмотри мнѣ въ глаза.
Я безъ слезъ горько плакать умѣю;
Твои жъ слезы блестятъ, какъ ночная роса,
На зарѣ, поутру, освѣжая лилею.
Тебѣ легче—ты можешь въ слезахъ выливать
Муки сердца: а я! Я родился
Мужчиной, я долженъ страдать:
Своихъ собственныхъ слезъ я бъ невольно
стыдился.
Но повѣрь, если бъ ты вдругъ меня поняла
И вглядѣлась въ безслезныя очи:
Ты бъ отъ ужаса плакать забыла, и я
За тебя бы сталъ плакать всѣ дни и всѣ ночи [1]).
Прощай!!

1841. Апрѣль.

15.

Сонъ.

Въ долинѣ Кавказа, гдѣ скалы,
Толпою тѣснятся кругомъ,
Лежалъ онъ съ зіяющей раной,
На смерть пораженный врагомъ.
Вдали съ крутизны необъятной
Смотрѣлъ затуманенный лѣсъ;

---

[1]) „Русскій Архивъ“, 1887, III, 580; „Современникъ“, 1911, IV, 375—377. Будто бы по подлиннику, подаренному А. Н. Бахметевой пріятелемъ Л—ва, Н. И. Поливановымъ.

Смотрѣли орлы, пролетая
По ясной лазури небесъ.
И, въ пропасть стремясь безвозвратно,
Ревѣлъ и пѣнился потокъ,
А кровь его, капля за каплей,
Точилась на сѣрый песокъ.
И въ тягостный мигъ разставанья,
Разлуки съ безсмертной душой,
Видѣнья къ нему отовсюду
Слетались веселой толпой.
Прелестныя дѣвы собрались
На пиръ, озаренный огнемъ,
И съ смѣхомъ веселымъ велася
Межъ ними бесѣда о немъ.
И только одна не вступала
Въ веселый о немъ разговоръ,
Склонилась она и молчала,
И грустью туманился взоръ.
Какъ муза чиста и прекрасна,
Отъ думы печальной блѣдна,
Въ таинственный сонъ уносилась
Душой молодою она.
И чудилось ей, что въ долинѣ,
Гдѣ скалы тѣснятся кругомъ,
Одинъ, истекающій кровью,
Лежалъ онъ, сраженный врагомъ.
И будто любимыя очи
Подернула смертная мгла,
Но шопотъ предсмертнаго слова
Она разобрать не могла.
И все ей казалось, что тѣло
Покинуто чудной душой,
Что съ этой душой отлетаетъ
Поэзіи міръ золотой [1]).

---

[1]) „Новое Время“ 1891, 15 іюля (фельетонъ Бѣжецкаго). Будто бы, ранняя редакція стихотворенія „Сонъ“, сообщенная Бѣжецкому генераломъ Ш., знакомымъ Лермонтова.

16.

Баллада.

Югельскій баронъ.

Ал. М. В—ой [1]).

До разсвѣта поднявшись, перо очинилъ
Знаменитый Югельскій баронъ,
И кусалъ онъ, и рвалъ, и писалъ, и строчилъ
Письмецо къ своей Сашенькѣ онъ.
И онъ крикнулъ: «Мой пажъ! мой малютка! скорѣй!..
Подойди!... что робѣешь ты такъ!»
И къ нему подошелъ долговязый лакей,
Тридцатипятилѣтній дуракъ.
«Вотъ! возьми письмецо ты къ невѣстѣ моей
И на почту его отнеси!
И потомъ пироговъ, сухарей, кренделей,
Чего хочешь, въ награду проси!»
— «Сухарей не хочу, и письма не возьму,
Хоть расплачься, высокій баронъ,
А захочешь узнать, я скажу, почему,
Нѣтъ! ужъ лучше смолчать», и поклонъ.
«Пажъ!.. хочу я узнать!..» — «Нѣтъ!.. позволь мнѣ смолчать!»
— «Говори!..» — «За невѣстой твоей
Обожателей рать, кто бы могъ сосчитать?
И въ разлукѣ ты ввѣрился ей!
Не дѣвица ль она?.. и одна ли вѣрна?
Намъ ли думать на Сѣверѣ, тамъ,
Все вздыхаетъ она, одинока, блѣдна;
Намъ ли вѣровать женскимъ словомъ?
Иль одинъ обольщенъ, изумленъ, увлеченъ
Ты невѣстою милой своей?

---

[1]) Верещагина, родственница и пріятельница Лермонтова, вышедшая замужъ за барона Гюгель („Югельскаго“).

Нѣтъ!.. высокій баронъ, ты порой мнѣ смѣшонъ,
И письма не отправлю я къ ней!»
Разсмѣялся баронъ, такъ увѣренъ былъ онъ:
«Ты малютка! мой пажъ молодой!
Знай!..—ты самъ ослѣпленъ! знай! у сѣверныхъ женъ
Не въ размолвкѣ обѣты съ душой!
Тамъ дѣвица вѣрна, постоянна жена;
Сѣверъ силой ли только великъ?
Жизнь тамъ вѣры полна, счастья тамъ сторона
И послушенъ тамъ сердцу языкъ!
Мелкихъ птицъ, какъ вездѣ, нѣтъ въ орлиномъ гнѣздѣ.

Тамъ я выбралъ невѣсту себѣ,
Не измѣнитъ нигдѣ. Ей, какъ вѣчной звѣздѣ,
Ей ввѣряюсь, какъ самой судьбѣ!
Такъ!.. снѣговъ въ сторонѣ, будетъ вѣрною мнѣ!»
Пажъ невольно барону внималъ,
И безъ словъ, въ тишинѣ, онъ сознался въ винѣ
И на почту съ письмомъ побѣжалъ! [1])

---

[1]) Стихотворенія. Для избранныхъ. В. Анненковой. М. 1844. Стр. 193. Все начало, будто бы, написано Лермонтовымъ; послѣднія $5^1/_2$ строчекъ приписаны Анненковой.

ОТДѢЛЪ III.

Стихотворенія русскихъ поэтовъ о М. Ю. Лермонтовѣ.

Графиня Е. П. Растопчина.

I.

На дорогу!

Михаилу Юрьевичу Лермонтову.

...Iu lascerai ogni cosa divina piu caramente! Dante, Divina Commedia.

Есть длинный, скучный, трудный путь...
Къ горамъ ведетъ онъ, въ край далекій;
Тамъ сердцу къ скорби одинокой
Нѣтъ гдѣ пристать, гдѣ отдохнуть!
Тамъ къ жизни дикой, къ жизни странной
Поэтъ нашъ долженъ привыкать,
И пѣснь, и думу забывать
Подъ шумъ войны, въ тревогѣ бранной!
Тамъ блескъ штыковъ и звукъ мечей
Ему замѣнятъ вдохновенье,
Любви и свѣта обольщенья,
И мирный кругъ его друзей.
Ему—поклоннику живому
И богомольцу красоты—
Тамъ нѣтъ кумира для мечты
Въ отраду сердцу молодому!

Ни женскій взоръ, ни женскій умъ
Его лелѣять тамъ не станутъ;
Безъ счастья дни его увянутъ;
Онъ будетъ мраченъ и угрюмъ!
Но есть заступница родная
Съ заслугою преклонныхъ лѣтъ [1]),—
Она ему конецъ всѣхъ бѣдъ
У неба вымолитъ, рыдая!
Но заняты радушно имъ
Сердецъ пріятненныхъ желанья,—
И минетъ срокъ его изгнанья,
И онъ вернется невредимъ!

Петербургъ, 27 марта 1841.

II.

Нашимъ будущимъ поэтамъ.

A quoi servent vos vers de flamme et de lumière
A faire quelque jour reluire vos tombeux?
M-me Anaïs Ségalas.

Не трогайте ея,—зловѣщей сей цѣвницы!
Она губительна... Она вамъ смерть даетъ!
Какъ семимужняя библейская вдовица,
На избранныхъ своихъ она грозу зоветъ!
Не просто, не въ тиши, не мирною кончиной,
Но преждевременно, противника рукой—
Поэты русскіе свершаютъ жребій свой...
Не кончивъ пѣсни лебединой!
Есть гдѣ то дерево [2]), на дальнихъ островахъ,
За океанами, гдѣ вѣчнымъ зноемъ пышетъ
Экваторъ пламенный, гдѣ въ вѣковыхъ лѣсахъ,
Въ растеньяхъ, въ воздухѣ и въ безсловесныхъ дышитъ
Всесильный, острый ядъ,—и горе пришлецу,

---

[1]) Бабушка М. Ю., Е. А. Арсеньева.
[2]) Манцинила („Анчаръ“ Пушкина).

Когда подъ деревомъ онъ ищетъ, утомленный,
И отдыхъ, и покой!—Сномъ смерти усыпленный,
Онъ близокъ къ своему концу...
Онъ не отторгнется отъ мѣста рокового,
Не встанетъ, не уйдетъ... ему спасенья нѣтъ!
Убійца-дерево не выпуститъ живого
Изъ-подъ вѣтвей своихъ... Такъ точно, о поэтъ,
И слава хищная невѣрнымъ упоеньемъ
Тебя предательски издалека манитъ!
Но ты не соблазнись—бѣги!.. она даритъ
Однимъ кровавымъ разрушеньемъ!
Смотри: существенный, торгующій нашъ вѣкъ,
Столь положительный, насмѣшливый, холодный,
Поэзіи, пѣвцамъ и пѣснямъ ихъ изрекъ,
Зѣвая, приговоръ вражды неблагородной.
Онъ безъ вниманія къ разсказамъ и мечтамъ,
Онъ не сочувствуетъ высокимъ вдохновеньямъ,—
Но зависть знаетъ онъ... и мститъ своимъ гоненьемъ
Вѣнчаннымъ лавромъ головамъ! [1])

22 августа 1841 г.

Hommaire de Helle.

Bulbul [2]) à Lermontove.

Le souffle d'un amant a glissé dans ta voix,
Oiseau mystérieux, qui chante dans les bois.
Tu sais tout emprunter à son délire extrême,
Larmes, désirs confus, soupir qui dit: je t'aime...
Tes accents sont l'écho des vagues voluptés,
Qu'il entrevoit au fond de ses anxietés.
En accords douloureux tu redis ses tristesses,
En notes de plaisir ses ardentes tendresses.
L'amour t'a révelé ses secrets les plus doux,
Et devant toi, Bulbul, tout poëte est jaloux [3]).

---

[1]) Соч., т. I, СПБ. 1890.

[2]) Соловей (по-татарски).

[3]) Кн. П. П. Вяземскій, Лермонтовъ и г-жа Гоммеръ де Гель, „Русскій Архивъ“, 1887, IX, стр. 134.

Hommaire de Helle [1]).

Le Rossignol.

à L.

Le souffle d'un amant a glissé dans ta voix,
Oiseaux mysterieux, qui chante dans les bois;
Tu sais tout emprunter à son délire extrême,
Larmes, désirs confus, soupir qui dit: je t'aime...
Tes accens sont l'écho des vagues voluptés
Qu'il entrevoit au fond de ses anxiétés:
En accords douleureux tu redis ses tristesses,
En notes de plaisir ses ardentes tendresses:
L'amour t'a rélévé ses secrets les plus doux,
Et devant toi, Bulbul [2]), tout poète est jaloux.
Hélas! en t'écoutant, il sent son impuissance;
Il voudrait résister à ta douce influence:
Il sent que la nature a placé dans ton chant
Ce charme qu'a sa lyre il demande souvent,
Sans pouvoir obtenir de ses cordes rebelles
Ce souffle d'harmonie ou tu baignes tes aîles!
Mais aussi dans ta voix quelle molle langeur!
Quels sons remplis d'espoir, de regrets ou d'ardeur!
Que de soupirs voiles! que de mélancholie!
Comme tous tes accords sont pleins de mélodie!
Comme on aime rêver en t'écoutant chanter!
Comme tous nos bonheurs reviennent nous charmer!
Comme tous ces rayons qui doraient notre vie
De mille espoirs perdus, de tant de poésie,
Font encore resplendir au fond de notre coeur,
Tel qu'un riche joyau, l'image du bonheur!
Oui, Bulbul, à ta voix, cette image secrète
Si souvent effacés au vent de la tempête,

---

[1]) „Journal d'Odessa", 1840, № 104,
[2]) Соловей.

Revient encore flotter devant nos yeux surpris,
Et d'un nouvel espoir relever nos esprits!
Dis—moi donc où tu prends tes divines romances,
Tes rapides accords, tes suaves cadences,
Tes repos prolongés si pleins de volupté,
Ton rythme où se confond la force et la beauté?
Tes plaintes, tes douleurs, tes plaisirs, tes folies,
Qui vibrent dans ta voix en tant de mélodies?
Dis—moi qui t'a donné ce secret enchanteur
Qui te rend en tout temps l'écho de notre coeur?
Reponds—moi, rossignol, où puises—tu cette âme
Qui te révele, hélas! tout ce que je réclame,
Tout ce que je demande au Dien qui mit en moi
L'instinct de l'harmonie, et l'amour, et la foi.
Sans m'accorder ce don que tout poète envie
De verser dans ses vers et son âme et sa vie!
Hélas! combien de fois tes ravissans accords
Ont fait naître dans moi de doux et longs transports!
Combien de fois, la nuit, mon âme caressée
A-t-elle dans tes chants retrouvé sa peusée!
Alors autour de moi l'air devenait plus doux;
Le ciel s'illuminait des mille astres jaloux:
Les senteurs des forêts étaient plus enivrantes;
Le lac plus parsemé d'étoiles seiutillantes;
Tout les bruits de la nuit devenaient moins distincts
Pour laisser dans l'espace errer tes chants divins!
Oui, Bulbul, oui, c'est toi, c'est ta douce magie
Qui dans mon coeur troublé versa la poésie,
Qui fit éclore en moi l'ange mélodieux
Dont la voix est si pure et le front si joyeux!
Oh! merci, mon poète! à toi tout ce que l'âme
Dans ses secrets replis peut renfermer de flamme!
A toi l'attrait si doux des lointains souvenirs
Et les rêves de gloire où tendent mes desirs!
A toi tout ce qui sort de ma lyre ignorée,
Tout ce qui peut flatter ma jeunesse enivrée,
Tout ce que ma pensée a d'eclat, de fraîcheur;
Tout ce que l'harmonie eveille dans mon coeur!

И. П. Мятлевъ.

Madame Курдюкова Лермонтову.

Мосьё Лермонтовъ, вы пѣночка,
Птичка пѣвчая, временъ!
Ту во веръ сонъ си шарманъ,
Что они по мнѣ, какъ пѣночка
Нонъ дё кремъ, мэ дё Кременъ [1]).
Такъ полны они эрфиксомъ,
Дё дусеръ и дё бонъ гу,
Что съ душевнымъ только книксомъ
Вспоминать о нихъ могу [2]).

Е. А. Баратынскій.

Когда твой голосъ, о поэтъ,
Смерть въ высшихъ звукахъ остановитъ,
Когда тебя во цвѣтѣ лѣтъ
Нетерпѣливый рокъ уловитъ;
Кого закатъ могучихъ дней
Во глубинѣ сердечной тронетъ?
Кто въ отзывъ гибели твоей
Стѣсненной грудію возстонетъ,
И тихій гробъ твой посѣтитъ,
И надъ умолкшей Аонидой,—
Рыдая, пепелъ твой почтитъ
Нелицемѣрной панихидой?
Никто!—но сложится пѣвцу
Канонъ намеднешнимъ Зоиломъ,
Уже кадящимъ мертвецу,
Чтобы живыхъ задѣть кадиломъ [3]).

---

[1]) Шампанское.
[2]) „Русскій Архивъ“, 1893, IX, 127.
[3]) „Современникъ“, 1843, IV, 354.

П. А. Гвоздевъ.

Отвѣтъ М. Ю. Лермонтову на его стихи „на смерть Пушкина“.

Зачѣмъ порывъ свой благородный
Ты имъ излилъ, младой поэтъ?
Взгляни, какъ этотъ міръ холодный
Корою льдяною одѣтъ!
Напрасно звукъ души печальной,
Какъ эхо порванной струны,
Раздался въ пѣснѣ погребальной...
О, нѣтъ! Поэтъ, твоей страны
Сердца покрыты зимней вьюгой,
Ихъ чувства холодны, какъ ледъ,
Ихъ души мертвыя въ кольчугѣ,
Имъ недоступенъ твой полетъ!..
Напрасно лирою печальной
Ты имъ воспѣлъ удѣлъ Творца,
Слезы не капнуло прощальной
На гробъ убитаго пѣвца—
Пѣвца Кавказа, русской славы...
Имъ пѣснь твоя, какъ судъ кровавый,
Для нихъ она, какъ грозный мечъ;
Не могъ ты въ ихъ душѣ презрѣнной
Свободной истиной зажечь
Огонь высокій и священный.
Не понялъ ихъ бездушный свѣтъ
Порыва благородной мести:
Ихъ души алчныя, поэтъ,
Горятъ въ п....., низкой лести;
Твой стихъ свободнаго пера
Обидѣлъ гордое тщеславье,
И стая вранъ у ногъ царя,
Какъ милость, ждутъ твое безславье...
Но ты гордись, младой пѣвецъ,
Предъ кознями ихъ адской злобы:

Не расплести имъ твой вѣнецъ,
Пускай отверзутся хоть гробы.
. . . . . .
. . . . . .
Не ты ль сказалъ: «есть грозный судъ!»
И этотъ судъ есть судъ потомства,
Сей судъ прочтетъ ихъ приговоръ
И на листѣ, какъ вѣроломство,
Онъ впишетъ имя ихъ въ позоръ [1]).

22 февраля 1837 г.

Варвара Анненкова.

Къ памяти Лермонтова.

Какъ звукъ внезапно порванной струны
Еще въ созвучномъ воздухѣ трепещетъ—
Мы памятью о васъ еще полны;
Не вашъ ли взоръ и въ сумракѣ намъ блещетъ?
И тайною исполненъ грустью онъ!
Да! жизнь для васъ была безъ покрывала!
Постигли вы страданія законъ,
И долго васъ земля не удержала.
Наслѣдіемъ остался вашъ герой.
Какъ памятникъ прославленный, извѣстный,
Какъ слѣдъ минуты сильно прожитой,
Волнуется на сердцѣ стихъ чудесный.—
То слышится «баю» порою намъ,
Что мать поетъ въ молчаньи полуночи;
То Терека внимаемъ мы волнамъ,
И Каспію заглядываемъ въ очи.—
И много жизнь принесть еще могла!
Но кончились вамъ жизни волнованья...
И, будто пухъ отъ вашего крыла,
Вы бросили землѣ свои созданья [2]).

---

[1]) „Русская Старина“, 1896, X, 131—132.
[2]) Стихотворенія. Для избранныхъ. М., 1844 г. Стр. 86—87.

Варвара Анненкова.

Къ Елизаветѣ Ал. . . . Арс—ой [1]).

Да! да! вы жить должны!.. иль дивному условью
Свиданья съ ними вы покорствовать должны;
Одной возвышенной къ врагамъ его любовью
Отъ жизни можете вы быть искуплены!
Ступенями туда вамъ эти дни страданья!
Любовь, любовь—залогъ съ любимыми свиданья!
Когда въ груди у васъ еще бушуетъ месть,
Когда въ душѣ остатокъ гнѣва есть,
Когда земли еще не сбросили оковы—
Не значитъ ли, что вы для неба не готовы?
Молите вновь любви, любви!
Она залогомъ искупленья,
Она призывъ родной семьи,
Она завѣтъ соединенья!
Любовь, любовь его врагамъ,
Когда хотите съ нимъ свиданья,
И ждетъ онъ васъ съ улыбкой,—тамъ,
Гдѣ нѣтъ ни слезъ ни воздыханья! [2]).

Варвара Анненкова.

Къ М. Ю. Лермонтову.

Утѣшь ее! утѣшь! явись во мракѣ ночи,
Когда смыкаются задумчивыя очи,
Когда созданіе почіетъ въ тишинѣ,
Явись страдалицѣ, утѣшь ее во снѣ,
Когда наводитъ взоръ полуночи свѣтило,
Своимъ явленіемъ напомни все, что было!
И первый лепетъ твой, младенческій языкъ,
И будто тихо ты на грудь ея приникъ,

---

[1]) Арсеньевой, бабушкѣ Лермонтова.
[2]) Стихотворенія. Для избранныхъ. М., 1844. Стр. 224.

И милой бабушкѣ высказываешь снова
Урокъ младенческій, и вотъ! забылъ ты слово,
И вотъ она тебя съ улыбкою браннтъ;
Но вечеръ; садъ тебя развѣсистый манитъ,
И няня въ слѣдъ едва поспѣетъ за тобою
И деренъ смуглою ты оторвалъ рукою,
И снова къ бабушкѣ и тамъ передъ огнемъ
За греческимъ ее находишь словаремъ.
Съ тобой и учится и каждый вечеръ снова
Выписывать тебѣ слова она готова,
Чтобъ трудъ твой облегчить, а ты, ласкаясь къ ней,
Разсказываешь самъ о рѣзвости своей.
Но лѣта вдаль идутъ, вотъ чудное мгновенье,
Какое грудь твою волнуетъ вдохновенье!
Кто звуковъ міръ таинственный тебѣ открылъ,
Когда языкомъ ты боговъ заговорилъ!
И черно грустныя, мечтательныя очи
Блистаютъ снова ей во мракѣ полуночи!
Она и рада бы—и плачетъ—и печаль
И будто жизнь твою высматриваетъ вдаль.
Остановила бы—да кто удержитъ геній,
Когда бушующихъ онъ полонъ вдохновеній?
Теперь все кончено! но ты явися къ ней,
Будь утѣшителемъ страдалицы своей!
Явись въ молчаніи полуночи и снова
Съ тобой и смерти въ часъ ожить она готова [1])!

Н. М. Сатинъ.

Лермонтову.

Когда поэтъ, сознавъ свое призванье,
Свой приговоръ народу прозвучитъ,
Какъ мощно онъ стихомъ негодованья
Народъ бичуетъ и клеймитъ!

---

[1]) Стихотворенія. Для избранныхъ. М., 1844. Стр. 225.

Кто бъ ни былъ тотъ народъ,— что нужды для поэта!
Поэтъ въ сей мигъ не франкъ, не славянинъ,
Одною истиной душа его согрѣта,
Онъ человѣкъ, онъ міра гражданинъ!
Но горе, если онъ въ сужденьяхъ увлечется
Народною иль личною враждой!
На грозный судъ его кой-кто лишь улыбнется,
И грозный стихъ надъ цѣлью пронесется,
Хоть звучною, но слабою струной [1]).

Н. М. Сатинъ.

Поэту-судіи.

Когда поэтъ, сознавъ свое призванье,
Свой приговоръ народу возвѣститъ,
Какъ мощно онъ стихомъ негодованья
Народъ бичуетъ и клеймитъ!
Кто бъ ни былъ тотъ народъ, что нужды для поэта!
. . . . . .
. . . . . .
Одною истиной душа его согрѣта:
Онъ человѣкъ, онъ міра гражданинъ,
Но горе, если онъ въ сужденьѣ увлечется
Народною иль личною враждой,
На грозный судъ его народъ лишь улыбнется
И грозный стихъ надъ цѣлью пронесется,
Хоть звучною, но слабою стрѣлой [2]).

---

[1]) „Починъ“, М., 1895, стр. 236. Отвѣтъ на стихотвореніе Лермонтова „Послѣднее новоселье“.

[2]) „Послѣ Пушкина“, М., 1890, стр. 384—385.

Н. Вуичъ.

На смерть М. Ю. Лермонтова.

. . . . . младой пѣвецъ
Нашелъ безвременный конецъ.
Дохнула буря, цвѣтъ прекрасный
Увялъ на утренней зарѣ!..
Потухъ огонь на алтарѣ!

А. Пушкинъ.

Давно ль подъ гулъ печальной тризны,
Смиривъ кичливые умы,
Надежду свѣтлую отчизны
Въ слезахъ похоронили мы?

А вотъ и новую гробницу
Мы видимъ, въ грусти, предъ собой—
И вновь разбитую цѣвницу
Кладемъ надъ урной гробовой.

Такъ, все утраты да утраты!
Рѣдѣетъ избранныхъ семья:
Тѣ смолкли, тѣ судьбою взяты
Въ разгарѣ силъ отъ бытія.

И ты, достойный жрецъ искусства,
Чей стихъ сердечный и живой
Кипѣлъ, сверкалъ избыткомъ чувства
И мысли стройной полнотой,

И ты высокаго призванья
Свершить для свѣта не успѣлъ
И, вызвавъ жадное вниманье,
Намъ сладкихъ пѣсенъ не допѣлъ.

Недавній гость въ пустынѣ міра,
Не долго ты средь насъ гостилъ;

Ты чаши жизненнаго пира
До половины не допилъ.

И тамъ, гдѣ жизнь полна созвучій
Для вдохновеній молодыхъ,
Ты вдругъ угасъ звѣздой падучей
На рубежѣ небесъ родныхъ [1]).

Николай Звѣревъ.

Къ Лермонтову.

Поэтъ великій, вдохновенный!
На твой прославленный алтарь
Вѣнокъ, изъ тернія сплетенный,
Кладетъ незнаемая тварь.

Ты былъ съ могучею душою:
Твой стихъ сіяетъ, какъ алмазъ;
И бурною кипитъ рѣкою,
Когда рисуешь ты Кавказъ.

Твои безсмертные напѣвы:
Лѣса, поля, ущелье горъ,
И блескъ очей восточной дѣвы,
Въ аулахъ сакли, черный боръ.

Тобой воспѣтъ шумящій Терекъ,
Казбекъ, и Шатъ, и Чатырдагъ,
Арагвы каменистый берегъ,
Черкесъ въ бою и на пирахъ.

Твоя поэзія богата
Разнообразной красотой:
И блескъ, и громъ, и свистъ булата,
Читая, слышишь предъ собой [2]).

---

[1]) „Литературная Газета“, 1842, № 17, стр. 350.
[2]) „Свободные часы“, Спб., 1860, стр. 76.

Анастасій Савинскій.

На смерть Лермонтова.

ЭКСПРОМПТЪ:

И ты, Лермонтовъ, палъ, какъ цвѣтъ,
Сраженный бурною грозою!
И твой прелестно яркій цвѣтъ
Угасъ падучею звѣздою!
Вотще, Кавказъ, осклабя взоръ,
Тебя въ объятіяхъ лелѣялъ!
Вотще къ тебѣ, съ вершины горъ,
Привѣтной нѣгой вѣтеръ вѣялъ!
Вотще волшебница, въ слезахъ,
Тебя приковывала къ міру—
Передъ судьбой ты палъ во прахъ,
Разбивъ пророческую лиру!..
О, сколько думъ погасло въ немъ
На жертвенникѣ вдохновенья,
Воспоминанья подъ крыломъ
И въ области воображенья!..
Мы думали: «въ тебѣ воскресъ
Безсмертнаго великій геній!..
И онъ, какъ метеоръ, исчезъ
Со звукомъ дивныхъ пѣснопѣній!..
Казалось, Марлинскій для насъ
Въ тебѣ оставилъ кладъ завѣта!..
Но роковой примчался часъ—
И нѣтъ волшебника-поэта!
Ахъ, скоро ли возникнетъ вновь
Столь лучезарное свѣтило?
Озолотитъ намъ и любовь ...
И дружбу—все, что сердцу мило [1])!

---

[1]) „Подарокъ прекрасному полу“, М., 1846, стр. 130—131.

А. Петровъ.

Памяти М. Ю. Лермонтова.

Тебѣ, какъ брату и поэту,
Я посвящу бездѣлку эту:
Не красенъ даръ мой—знаю я;
Но первый опытъ приношу я,—
И лепта скромная моя
Падетъ на урну дорогую [1]).

В. И. Красовъ.

Романсъ Печорина.

Какъ блудящая комета
Межъ свѣтилъ ничтожныхъ свѣта,
Проношуся я.
Ихъ блаженства не цѣнилъ я;
Что любилъ, все погубилъ я.
Знать, такъ созданъ я.
Годы бурей пролетѣли.
Я не понялъ вѣрно цѣли,
И была ль она?
Я бъ желалъ успокоенья...
Сила сладкаго забвенья
Сердцу не дана.
Пусть же рокъ меня встрѣчаетъ,
Жизнь казнитъ иль обольщаетъ—
Все ужъ мнѣ равно.
Будъ то ядъ, или зараза,
Или бой въ скалахъ Кавказа,—
Я готовъ давно [2]).

---

[1]) А. Петровъ, „Замокъ Фурхштейнъ“, М., 1844, стр. 5. Посвященіе Лермонтову.

[2]) Стихотв. В. И. Красова, М., 1859, стр. 166.

Новый поэтъ (И. И. Панаевъ).

Къ женщинѣ.

(ПРИЗНАНІЕ ПРОВИНЦІАЛЬНАГО ПЕЧОРИНА).

Мы съ тобою сошлися случайно
И случайно разстались потомъ;
Для людей наша связь была тайной,
А для насъ поэтическимъ сномъ.
Но теперь я смотрю равнодушно,
Какъ судьбу ты безумно клянешь,
Предаешься тоскѣ малодушной
И возврата прошедшаго ждешь.
Мнѣ не жалко прошедшихъ мгновеній,
Я усталъ, утомился любить;
Безъ любви, безъ тревогъ, безъ волненій
Я хочу наслаждаться и жить.
Вдохновенныя рѣчи и слезы
И прогулки въ саду при лунѣ,—
Это дѣтскія, пошлыя грезы,
Не смѣшны, а досадны онѣ!
Мы съ тобою сошлися случайно
И случайно разстались потомъ;
Для людей наша связь была тайной,
А для насъ поэтическимъ спомъ [1]).

М. П. Розенгеймъ.

I.

Лермонтову.

Мнѣ грустно, не смѣшно... Въ пылу негодованья,
Ты оскорбилъ небесъ прекрасный даръ!
Нѣтъ, не напрасно, другъ, высокаго призванья

---

[1]) „Собраніе стих. Новаго поэта“. Петроградъ. 1855. Стр. 63—64. Новый поэтъ—В. И. Гаевскій, Н. А. Некрасовъ, И. И. Панаевъ и др. (см. Карцевъ и Мазаевъ, „Опытъ словаря псевдонимовъ русскихъ писателей“. Стр. 95. Срв. соч. И. И. Панаева. Петроградъ. 1889. Гл. V. Стр. 43).

Въ твоей душѣ горитъ небесный жаръ!
Тебѣ ли колеей, протоптанною въ прахѣ,
Которою толпа къ ничтожеству бредетъ,
Влачиться вслѣдъ за ней, подобно черепахѣ,
Когда судьбою данъ тебѣ орла полетъ?..
Понятно мнѣ твое душевное томленье,
Твоя глубокая, сердечная тоска;
Но если ты падешь средь общаго паденья,
Чья братій поддержать протянется рука?
Кто рѣчью теплою согрѣетъ огорченныхъ?
Кто дѣвѣ разъяснитъ загадку юныхъ грезъ?
Чье слово, чей призывъ пробудитъ усыпленныхъ?
Кто души освѣжитъ потокомъ сладкихъ слезъ?
Кто пѣснью смѣлою поддержитъ гражданина,
Какъ бранная труба средь схватки боевой,
Когда онъ выступитъ войной на исполина,
На битву смертную съ неправдой вѣковой?..
Не клевещи на жизнь: тебѣ въ ней много дѣла!
Пусть личныя твои мечты не удались,—
Но если надобно, страданьемъ жизни цѣлой
За чудный даръ пѣвца безъ торга расплатись.
Не первый купишь ты его такой цѣною;
Но человѣчеству ты служишь, не себѣ,—
И славные пути лежатъ передъ тобою,
И цѣли дивныя указаны тебѣ.
О, будь посланія достойный исполнитель:
Апостолъ истины, апостолъ до конца;
Поборникъ правоты, нечестья обличитель;
Къ надеждѣ воззови усталыя сердца.
Предстань, какъ Банко тѣнь на пышный пиръ Макбета,
Предъ зломъ ликующимъ, на праздникѣ страстей,
И полная любви и вѣры рѣчь поэта
Глубоко потрясетъ сознаніе людей:
Растаетъ эгоизмъ, смягчится жесткій старецъ,
Отвага заблеститъ у юноши въ очахъ,
И грозныя слова и *манесъ*, *текель*, *паресъ*,
Порокъ испуганный прочтетъ въ твоихъ стихахъ!
Пускай ничтожество, пылая жалкимъ мщеньемъ,

Всю жизнь твою убьетъ, отравитъ, очернитъ,—
Нѣтъ, не плати ему за злобу озлобленьемъ;
Прости,—зане оно *не вѣдетъ, что творитъ!..*

II.

Лермонтову.

Пусть такъ: мои слова—неопытности грезы.
«Не вѣрь имъ», говоришь. Будь проклятъ опытъ твой!
Я не хочу его, когда его угрозы
Такъ разрушительны, такъ властны надъ душой.
Безъ вѣры, Лермонтовъ, безплодно и призванье;
Ни пѣсенъ отъ души, ни искренней мольбы!
Да, страшно; и тебя коснулось отрицанье,
И духомъ ты упалъ, не выдержавъ борьбы.
Я—бѣдный труженикъ, безсильный быть полезнымъ.
Когда бы мнѣ былъ данъ могучій твой глаголъ,
Когда бы я владѣлъ стихомъ твоимъ желѣзнымъ,
Съ какой бы радостью на битву я пошелъ!
Съ какимъ бы торжествомъ имъ, выродкамъ позора,
Закона торгашамъ, ватагѣ пришлецовъ,
Перчатку тяжкую правдиваго укора
Я бросилъ бы при всѣхъ въ безстыдное лицо [1])...

III.

У грота Лермонтова.

Строптивый духомъ, рѣзкій словомъ,
Не могъ онъ пошлости сносить,—
За то въ изгнаніи суровомъ
Пришлося жизнь ему влачить.
И здѣсь, скиталецъ одинокій,
Въ горахъ Кавказа онъ блуждалъ,

---

[1]) Въ отвѣтъ на стих. Лермонтова: „Не вѣрь себѣ“.

Грустилъ по родинѣ далекой—
И пѣсни дивныя слагалъ.
И пѣсенъ тѣхъ живые звуки
Такъ были чудно хороши!
Сливались въ нихъ и вопли муки
Его тоскующей души,
И гласъ пророка вдохновенный,
И пѣсни ангеловъ святыхъ,
И ропотъ демона надменный,
И бурный пылъ страстей земныхъ,
И колыбельные напѣвы,
И шумъ ручья, и бури вой,
И робкій шопотъ юной дѣвы,
И рокотъ схватки боевой....
Но свѣтской пошлости проказа
За нимъ гналась, его нашла
И здѣсь, среди громадъ Кавказа
Она его подстерегла.
И мѣтко пуля роковая
Его сразила въ цвѣтѣ лѣтъ...
Погибла сила молодая!
Погибъ безвременно поэтъ!
Погибъ въ тотъ мигъ, какъ мощный геній
Его окрѣпъ и возмужалъ,
И столько новыхъ откровеній
Родной странѣ онъ обѣщалъ.
Изсякъ родникъ неистощимый
Высокихъ думъ и чудныхъ грезъ!
Туда, далеко, въ міръ незримый,
Онъ недосказаннымъ унесъ
Свое пророческое слово,
Глубоковѣщій свой глаголъ;
Уста пѣвца сомкнулъ сурово
Судьбы капризный произволъ.
Умчалась тучей громовою
Душа поэта въ міръ иной,—
Но здѣсь не знавшая покою,
Нашла ль хоть тамъ она покой?

Иль не доступна примиренью,
Тревогой вѣчною полна,
Ища средь бурь успокоенья,—
Надъ міромъ носится она?..
Когда въ горахъ гроза надходитъ,
И въ черныхъ тучахъ никнетъ день,
Средь этихъ скалъ, сдается, бродитъ
Его тоскующая тѣнь...
А прахъ поэта пріютила,
Вдали его любимыхъ горъ,
Почти безвѣстная могила,
Забытая до этихъ поръ...
И ждетъ, все ждетъ, могила эта,
Что люди русскіе придутъ—
И позабытый прахъ поэта
Достойной тризною почтутъ [1]).

Илья Алексѣевъ.

Гроту Лермонтова.

Подъ сѣнію твоей онъ часто находилъ
Пріютъ для сладкаго мечтанья;
И ты одинъ свидѣтель былъ
Его сердечнаго страданья.
Угрюмый видъ твоей скалы
Служилъ душѣ его отрадой;
Вдали отъ суетной молвы
Ты окружалъ его прохладой.
Ты геніемъ его сіялъ,
Въ тотъ мигъ душевнаго сознанья,
Когда съ пера его слеталъ
Печальный демонъ, духъ изгнанья.
И видѣлъ ты: съ звѣзды восточной
Какъ сорванъ былъ вѣнецъ златой!
Какъ онъ сіялъ—росой полночной
Съ чела Тамары молодой!

---

[1]) Стих., СПБ. 1902, I—II.

Лучомъ румянаго заката
Ты былъ такъ ярко озаренъ;
Дыханьемъ нѣжнымъ аромата
Твой горный воздухъ упоенъ.
И этотъ лучъ, кругомъ играя,
Обвилъ Тамары гибкій станъ;
И духъ подземный, обожая,
Стоялъ предъ ней, какъ истуканъ.
Въ тебѣ тотъ демонъ, духъ изгнанья,
Коварства, мести, адскихъ силъ,—
Надъ милой дѣвой обожанья
Обманъ преступный совершилъ!
Клялся духовъ своихъ служебныхъ
Привесть красавицѣ съ собой,
Невольницъ легкихъ и волшебныхъ,
Съ ихъ красотою неземной!
Склонясь предъ этимъ увѣреньемъ,
Скрѣпленнымъ лестью до конца,
Какимъ-то чуднымъ упоеньемъ
Повѣяло съ ея лица.
И выслушавъ любви признанье,
Что злобный духъ ей обѣщалъ,
Тамаринъ образъ, какъ въ сіяньѣ,
Зарей румяной заблисталъ.
Ты былъ всему тому свидѣтель,
И все въ себѣ ты совмѣстилъ,
Что твой и другъ и благодѣтель,
А нашъ поэтъ—осуществилъ.
Гордись же участью своей:
Ты былъ избранникомъ поэта!
И знай, что въ памяти людей
Не исчезаетъ память эта!
Несчастный рокъ его сгубилъ,
Разстался съ жизнью незабвенный!
Противникъ выстрѣлъ совершилъ,
И палъ поэтъ окровавленный!
Такъ передай потомству ты
Дуэль, годами не забытый,

Что у Перкальской здѣсь скалы
Лежалъ нашъ Лермонтовъ убитый!
Что прахъ его былъ погребенъ
На Пятигорскомъ здѣсь кладбищѣ!
Потомъ въ Столыпино [1]) свезенъ
На вѣчное свое жилище!
О гротъ! мой гротъ! какъ мраченъ ты,
Лишившись друга и поэта!
Кругомъ тебя все суеты,
А ты такъ чуждъ людского свѣта!
Повѣдай намъ: кого ты ждешь?
О чемъ такъ грустно вспоминаешь?
Поэта ль памятью живешь,
Иль тѣнь его благословляешь?
Уже насталъ тридцатый годъ,
Какъ мы разсталися съ поэтомъ:
А ты остался все же тотъ,
Какъ памятникъ его предъ свѣтомъ.
И неизмѣннымъ хочешь быть,
Поэта другъ, товарищъ милый;
Въ тебѣ онъ вѣчно будетъ жить,
Ты храмъ его и за могилой.
Вотъ почему благоговѣю,
Когда вхожу подъ сѣнь твою;
Я память прошлаго лелѣю,
И дань таланту отдаю [2]).

Н. М. Минскій [3]).

Наставники мои! О Пушкинъ величавый,
Мятежный Лермонтовъ! Давно ль васъ геній славы
Безсмертьемъ увѣнчалъ, а между тѣмъ вы мнѣ
Пѣвцами кажетесь счастливѣйшихъ столѣтій,

---

[1]) Тарханы.

[2]) „Листокъ Кавказ. Минер. Водъ“, 1870, № 13. Это „сочиненіе Ильи Алексѣева, помѣщика Тамбовской губерніи, Козловскаго уѣзда“, до сихъ поръ красуется въ Лермонтовскомъ гротѣ близъ Пятигорска.

[3]) Стих. СПБ. 1887. Стр. 58—59.

Простыми, страстными, безпечными, какъ дѣти.
Съ такой отрадою люблю наединѣ
Раскрыть истертый томъ—и вотъ, какъ съ вѣтокъ
птицы,
Вдругъ рѳмы звонкія вспорхнутъ со всѣхъ стиховъ,
И потечетъ, блестя, ручей правдивыхъ словъ,
И чувства стройныя, какъ древнія царицы,
Исходятъ къ зеркалу его прозрачныхъ водъ,
И образовъ толпа за ними вслѣдъ идетъ,
Готовясь ихъ облечь въ роскошныя одежды...
Какъ сказка, стихъ вашъ простъ, горячъ, какъ сердца
кровь.
Мудрецъ упьется имъ, его поймутъ невѣжды.
Пѣвцы прекраснаго, влюбленные въ любовь!
Вы даже демона, могучаго враждою,
Признанья кроткія заставили шептать,
Изгнанника небесъ сроднили вы съ толпою,
И стали дѣвушки о демонѣ мечтать!
О, нѣжныхъ чувствъ пѣвцы! съ какимъ волненьемъ
страннымъ
Я въ вашихъ пѣсняхъ пью отраву красоты,
И жалокъ я себѣ съ своимъ стихомъ туманнымъ,
И грустно мнѣ, что въ немъ такъ мало простоты...
Увы, мнѣ чуждъ языкъ поэзіи привольной,
Мой демонъ нѣжныхъ словъ не шепчетъ никогда,
Мой демонъ слезъ не льетъ, когда слезой невольной
Туманитъ мнѣ глаза любовь иль красота.
Его не ослѣпитъ Тамары взоръ горящій,
Алмазный снѣгъ вершинъ, пѣвучій валъ морей.
Мой демонъ шепчетъ мнѣ, что этотъ міръ блестящій
Похожъ на древній храмъ египетскихъ царей.
Порфиръ и хризолитъ... Сіяніе чертога...
Молящихся толпа... Жрецовъ поющихъ рядъ...
Но тамъ, въ святилищѣ, но тамъ, на мѣстѣ бога,
Стоитъ священный быкъ и спитъ священный гадъ...
Въ душѣ, въ людской душѣ, въ прекрасномъ храмѣ
міра,
Нѣтъ больше божества,—и даже нѣтъ кумира...

А. Н. Апухтинъ.

1.

Е. А. Хвостовой.

(Экспромтъ).

Добры къ поэтамъ молодымъ,
Вы каждымъ опытомъ моимъ
Велѣли мнѣ дѣлиться съ вами.
Но я боюсь... Иной поэтъ [1]),
Чудеснымъ пламенемъ согрѣтъ,
Васъ пѣлъ могучими стихами.
Вы были молоды тогда,
Для вдохновеннаго труда
Ему любовь была награда.
Вы отцвѣли—поэтъ угасъ,
Но онъ поклялся помнить васъ
«И въ небесахъ и въ мукахъ ада» [2])...
Я вѣрю клятвѣ роковой,
Я вамъ дрожащею рукой
Пишу свои стихотворенья
И, какъ несмѣлый ученикъ,
У васъ, хотя бъ на этотъ мигъ,
Прошу его благословенья.

1 февраля 1858 г.

2.

Посланіе графу А. Н. Граббе во время его кругосвѣтнаго плаванія на великокняжеской яхтѣ „Тамара“.

Княжна Тамара, дочь Гудала,
Лишившись рано жениха,
Простой монахиней стала,
Но не спаслася отъ грѣха.
Къ ней по причинѣ неизвѣстной
Явился демонъ, врагъ небесъ,

---

[1]) Лермонтовъ. [2]) „Любовь мертвеца“ Лермонтова.

И предъ грузинкою прелестной
Разсыпался, какъ мелкій бѣсъ.
Она боролась уступая,
И пала, выбившись изъ силъ...
За это ангелъ двери рая
Предъ ней любезно растворилъ.
Не такова твоя «Тамара»:
Съ запасомъ воли и труда,
Она вокругъ земного шара
Идетъ безстрастна и горда;
Живетъ средь бурь, среди тумана,
И, русской чести вѣрный стражъ,
Несетъ чрезъ бездны океана
Свой симпатичный экипажъ.
Британскій демонъ злобой черной
Не нанесетъ ущерба ей
И рѣчью льстивой и притворной
Не усыпитъ ея очей.
Ей рай отчизны часто снится,
И въ этотъ рай, душой свѣтла,
Она по праву возвратится
И непорочна и цѣла.

12 декабря 1890.

Памяти Лермонтова [1]).

Владыки славны по рожденью,
Героевъ дѣлаетъ война,
Поэту жъ сила пѣснопѣнья
Отъ Бога Вышняго дана!
Его душа есть необъятный
Живой воды живой родникъ,
И какъ образенъ, всѣмъ понятный
Въ его устахъ родной языкъ!
Да, имя вѣщее поэта
Въ его народѣ не умретъ!

---

[1]) „Новое Время“, 1881, 15 іюля.

Оно, какъ Божья искра свѣта,
Изъ рода въ роды перейдетъ...
Что годы?—лучшая оправа
Святому имени пѣвца:
Чѣмъ больше ихъ, чѣмъ старше слава,
Тѣмъ ярче блескъ его вѣнца!
Все на землѣ стираетъ время,
Забвенье всѣхъ дѣяній слѣдъ,
Но чтитъ живѣй родное племя
Тебя годъ отъ году, поэтъ!
И рѣчь слышна: поставить надо
Поэту памятникъ такой,—
Чтобы гранитная громада
Взнеслась высоко надъ толпой;
Чтобъ онъ надъ ней, могучій, гнѣвный,
Разящій пошлость и порокъ,
Исполненъ мощію душевной,
Стоялъ, какъ пламенный пророкъ;
Чтобъ, лавромъ генія повитый,
Толпѣ въ лицо изъ устъ своихъ
Бросалъ онъ желчію «облитый»
Карающій «желѣзный стихъ»!

Барсовъ [1]).

Въ борьбѣ въ минуты трудныя,
Какъ силъ недостаетъ,
Твои творенья чудныя
Смягчаютъ тяжкій гнетъ.
Есть сила благотворная
Въ созвучьи словъ твоихъ,
И движетъ не притворная,
Святая правда въ нихъ!
Въ душѣ и мощь проявится,
Уступка—далеко...
Взгрустнется и поплачется,
И такъ легко, легко...

---

[1]) „Новое Время“, 1881. 23 іюля.

Н. Соймоновъ [1]).

15 іюля.

(Посвящ. памяти М. Ю. Лермонтова).

Погибъ!.. и ты погибъ, какъ тотъ поэтъ великій,
Который дивно такъ тобою былъ воспѣтъ!
Навъ жертвой рабства, тьмы и ненависти дикой—
Потомству мщеніе ты завѣщалъ, поэтъ.
Давно умолкъ твой стихъ «желѣзный», звучный,
стройный,
Гирляндами цвѣтовъ душистыхъ повитой!..
Да встанетъ тѣнь твоя! Потомокъ недостойный
Торгуетъ безъ стыда отчизною святой.
Да встанетъ тѣнь твоя—и «броситъ стихъ» забытый
«Въ лицо» предателямъ презрѣннымъ и рабамъ,
Стихъ, ѣдкой «горечью и злостію облитый»,—
И завѣщаетъ месть не людямъ—небесамъ!..

А. Крапоткина.

На праздникъ открытія памятника Лермонтову въ Пятигорскѣ.

Въ краю, воспѣтомъ нѣкогда тобою,
Которымъ въ юности еще плѣненъ такъ былъ,
Который ты любилъ великою душою
И гдѣ ты жизнь свою младую загубилъ,
Ты умеръ, схороненъ, ужъ нѣтъ тебя межъ нами
Но духъ безсмертный твой царитъ надъ высью
горъ,
Твоими чудными, завѣтными стихами
Все, кажется, полно въ природѣ до сихъ поръ!
И вотъ твои поклонники стеклися
Почтить тебя, безсмертный нашъ поэтъ,

---

[1]) „Наблюдатель“, 1884, № 7.

И памятникъ воздвигнуть собрался,
Чтобъ славилъ онъ тебя на много, много лѣтъ.
О, погляди же съ высоты вселенной
На русскій міръ, на русскую семью,
Прими отъ насъ, какъ даръ любви священной,
И нашъ привѣтъ и память въ чѣсть твою [1]).

Илья Афросимовъ.

Гроту Лермонтова.

Поэтъ родной! Я въ гротъ твой скромный,
Откуда ты плѣнилъ сердца,
Вхожу одинъ съ печалью томной:
Въ пріютѣ отдохнуть пѣвца.
Прошло ужъ много лѣтъ съ тѣхъ поръ,
Когда ты жилъ, надежды полный,
Когда душѣ своей просторъ
И мыслямъ далъ полетъ свободный.
По жизни ты прошелъ больной,
Всегда былъ полонъ впечатлѣнья,
Недолго жилъ ты, но душой
Жилъ для любви и вдохновенья.
Пріютъ любви, пріютъ мечтанья -
Ты первый слышалъ чудный стихъ.
Печальный демонъ, духъ изгнанья,
Леталъ предъ нимъ въ стѣнахъ твоихъ.
Скажи же, гротъ, какъ чтишь ты память,
Какою жизнью ты живешь?
Тяжелой мыслію ли занять?
Талантамъ ты пріютъ даешь,
Ты посреди скалы угрюмой,
Какъ бы минувшимъ полонъ сномъ,
И самъ объятъ глубокой думой,
Воспоминаньемъ о быломъ.
Гордись же, гротъ, поэта славой.
Онъ былъ избранникомъ твоимъ;

---

[1]) „Сѣверный Кавказъ“, 1889, 69.

Ты былъ минутъ его усладой,—
Всему свидѣтелемъ нѣмымъ.
Твой гордый другъ увлекся местью;
Не могъ обиды перенесть;
Онъ съ жизнью разсчитался съ честью,
И скоро разнеслася вѣсть,
Что палъ поэтъ, съ нимъ стихъ искусный
Смерть преждевременно взяла;
Свидѣтелемъ картины грустной
Была Перкальская скала.
Съ тѣхъ поръ остался одинокій
И гротъ и домикъ, гдѣ онъ жилъ,
Но въ душу русскихъ смыслъ глубокій
Безсмертный стихъ его вложилъ.
Такъ будь же, памятникъ поэта,
Какъ вѣрный, неизмѣнный другъ,
Напоминаніемъ для свѣта
Его трудовъ, его заслугъ [1]).

Курсовая.

На открытіе памятника М. Ю. Лермонтову въ Пятигорскѣ 1889 г. авг. 16-го дня.

Напѣвъ твоихъ пѣсней печальный,
Розкошный слогъ твоихъ стиховъ,—
Какъ современниковъ плѣнялн,
Чаруютъ нынѣ ихъ сыновъ.
Кумиръ ты горнаго Кавказа,
Великій русскій нашъ поэтъ.
Тобой горда страна родная,
И ей сочувствуетъ весь свѣтъ.
Отнынѣ генія въ поэтѣ
Почтилъ великій край родной,
Тебѣ воздвигнувши монументъ
Въ странѣ излюбленной тобой,

---

[1]) „Сѣверный Кавказъ“, 1889, № 69.

Гдѣ вмѣстѣ съ музой и отчизнѣ
Поэтъ великій послужилъ,
Гдѣ ты видалъ невзгоды жизни,
Гдѣ ты остатокъ дней прожилъ,
Гдѣ отъ удара вражьей пули
Нашелъ безвременный конецъ,
Гдѣ ты достигъ безсмертной славы,
Вѣнчанный лаврами пѣвецъ.
Живи и впредь въ груди народовъ,
Буди огонь въ сердцахъ людей!
Отъ насъ навѣкъ благословенье
Великой памяти твоей [1])!

И. Прохановъ.

Лермонтову на открытіе памятника въ г. Пятигорскѣ.

Предметъ народнаго сказанья,
Волшебный край, съ его царемъ,
Застылъ въ нѣмомъ очарованьѣ,
Объятый непробуднымъ сномъ...
И жизнь умолкла въ мигъ единый
Подъ силой мертвой тишины;
Печать недвижности пустынной
Легла на всѣ поля страны...
Все было глухо и безлюдно...
Такъ вѣкъ за вѣкомъ проходилъ;
Но вотъ нежданно витязь чудный,
Пришелъ, увидѣлъ, пробудилъ...
Такъ ты, поэтъ, могучимъ словомъ,
Святою лирою твоей
Не разъ будилъ для жизни новой
Міръ, погруженный въ сонъ страстей...
Когда ты видѣлъ свѣтлымъ окомъ,
Что міръ, окованный порокомъ,

---

[1]) „Терскія Вѣдомости", 1889, № 69.

Погрязшій въ тинѣ мелочей,
Забылъ призваніе людей;
Когда ты видѣлъ, что служенье
Наукѣ, правдѣ и добру
Смѣнилось низкопоклоненьемъ
Врагу свободы—серебру,
Что въ руки злобы и порока
Отдались люди, какъ рабы,
Тогда, съ «всевѣдѣньемъ пророка»,
Ты поднимался для борьбы;
Тогда твой голосъ вдохновенный
Людскую пошлость обличалъ
И глупость съ гордостью надменной
Сатирой ѣдкой бичевалъ...
Ты неподкупенъ былъ для лести,
Какъ вѣрный долгу часовой;
Ты былъ свѣтильникъ правды, чести
Средь непроглядной тьмы людской,
Средь обличенья, укоризны,
Поэтъ, ты все жъ любилъ людей;
Любилъ ты край родной отчизны
Любовью теплою своей...
Съ любовью ты служилъ народу,
Какъ преданный великій сынъ;
Ты пламенно любилъ природу
И красоту ея картинъ.
Кто могъ, какъ ты, съ такимъ искусствомъ
Природу намъ живописать
И силой вложеннаго чувства
Нашъ умъ и сердце такъ плѣнять?
Кто могъ объять, какъ ты, могучій,
Какъ ты, возвышенный Кавказъ,
И съ прелестью стиховъ живучей
Намъ пѣть о колыбели расъ?
Никто... лишь ты, и пусть твой геній,
Державный слова властелинъ,
Царитъ надъ рядомъ поколѣній,
Какъ Эльборусъ среди вершинъ.

Пусть предъ тобою благодарно
Склонятся люди на землѣ
И блещетъ вѣчно лучезарный
Вѣнецъ безсмертья на челѣ!.. [1])

Л. Пальминъ.

Памяти М. Ю. Лермонтова.

15 іюля 1891.

Рано на лирѣ твоей вдохновенной
Струны судьба порвала,
Рано умолкъ ты, цѣвецъ незабвенный...
Пѣсни жъ твои передъ цѣлой вселенной
Муза вѣкамъ сберегла.
Въ нашей эпохѣ трескучей, чугунной
Въ шумѣ смолкаетъ поэтъ
Съ тихою лирой своей златострунной,
Гаснетъ, какъ отблескъ задумчивый, лунный
Передъ сіяньемъ ракетъ.
Такъ соловей не поспоритъ порою
Съ крикомъ дурацкимъ воронъ...
Такъ и пѣвецъ съ сладкозвучной игрою
Предъ злободневной крикливой толпою
Сдержитъ подавленный стонъ.
Но вѣдь замолкнетъ и шумное стадо,
И фейерверка огни
Съ блескомъ ничтожнымъ пустого парада
Выгорятъ съ копотью, полные смрада,
Скоро угаснутъ въ тѣни...
Мѣсяцъ же выйдетъ съ красой величавой,
Вновь запоетъ соловей.

Такъ ты увѣнчанъ немеркнущей славой
Предъ современной пустою аравой
Съ лирой безсмертной твоей!.. [2])

---

1) „Сѣверный Кавказъ", 1889, № 63.
2) „Осколки", 1891, № 28.

Л. И. Пальминъ.

Памяти М. Ю. Лермонтова.

(15 іюля 1891 года).

Ты гордо палъ, пѣвецъ, подъ пулей роковой,
Съ презрѣніемъ къ судьбѣ и равнодушный къ жизни.
Полвѣка пронеслось, но надъ твоей главой
Вѣнецъ безсмертія горитъ въ твоей отчизнѣ.
Полвѣка пронеслось, но вѣщій голосъ твой
Звучитъ, какъ бы живой, на дорогой намъ тризнѣ.
Ты смѣло бросилъ въ міръ съ вершинъ Кавказскихъ горъ
Напѣвы дивные плѣнительныхъ созвучій,
И волны Терека ихъ вторятъ до сихъ поръ
Въ ущельяхъ дикихъ скалъ, гдѣ, какъ титанъ могучій,
Ты самъ страдалъ и слалъ пророческій укоръ
Въ нашъ міръ, какъ будто громъ, рожденный вольной тучей.
Паритъ и до сихъ поръ по тверди голубой
Высоко демонъ твой, печальный духъ изгнанья,
Паритъ высоко онъ надъ сферою людской,
Надъ сферой мелочей въ хаосѣ мірозданья,
Съ улыбкой грустною и чудной красотой,
Съ печатью жгучихъ думъ и гордаго страданья...
Жалка поэзія новѣйшихъ нашихъ дней,
Какъ бы увядшій цвѣтъ въ дни осени холодной.
Звучи же намъ, пѣвецъ, изъ области тѣней
Своею лирою причудливо-свободной...
Тоскующей душѣ ты повторяй яснѣй
Въ неволѣ Мцыри бредъ о волѣ благородной!.. [1])

Вл. Н. Ладыженскій.

На могилѣ Лермонтова.

Какъ море, гладь степей раскинулась кругомъ,
Лишь изрѣдка мелькнетъ убогое селенье,
И церковь бѣдная съ сіяющимъ крестомъ
На мирныя поля зоветъ благословенье...

---

[1]) „Русская Мысль“, 1891, VII, 88.

Такъ вотъ куда, пѣвецъ, всевластною мечтой
Такъ часто мысль тебя, тоскуя, уносила,
Загубленный пророкъ страны моей родной—
Великій Лермонтовъ, такъ вотъ твоя могила!
Цвѣтущія поля ласкаютъ жадный взоръ,
Вотъ старый домъ и садъ, и милыя Тарханы,
И роща вдалекѣ, а тамъ—опять просторъ,
Гдѣ вечеромъ въ степи синѣются туманы,
Какъ стая птицъ, на югъ несутся облака,
И если твой привѣтъ съ собой, въ страну изгнанья,
Казбеку вѣчному снесутъ издалека,
То скажутъ, что поэтъ давно забылъ страданья,
Что горе спитъ въ землѣ, и что могильный сонъ
Ни клевета друзей, ни зависть не встревожитъ,
Что роемъ свѣтлыхъ грезъ покой твой окруженъ,
И злоба самая развѣять ихъ не сможетъ.

Но если бъ иногда страны своей родной
Ты могъ бы видѣть жизнь,—проснулось бы мученье:
Печально бъ ты глядѣлъ, съ щемящею тоской,
На племя жалкое, на «наше поколѣнье».
Напрасно протекли привычной чередой
Полвѣка долгаго томительные годы,
Безславенъ, какъ и встарь, нашъ скучный путь земной,
И сами мы бѣжимъ отъ счастья и свободы.
Лишь наглой дерзостью твой слухъ бы поразилъ
Разнузданныхъ страстей пиръ далеко не новый,
И съ головы «вѣнецъ пѣвца, вѣнецъ терновый»
Ты самъ сорвалъ бы и разбилъ! [1])

И. И. Горбуновъ-Посадовъ.

Изъ стихотворенія „Памяти М. Ю. Лермонтова“.

Полвѣка минуло, какъ трупъ его упалъ
Въ дыму пороховомъ, и кровь текла изъ раны
На чахлую траву подножья дикихъ скалъ,
Гдѣ бродятъ лишь орлы да горные туманы.

---

[1]) „Русская Мысль“, 1891, II, 83.

И въ этотъ страшный мигъ, когда онъ отходилъ,
Застрѣленный, какъ врагъ, товарища рукою,
Въ ущельяхъ ураганъ, какъ звѣрь голодный, вылъ
И скорбная земля одѣлась черной мглою.
Земля прощалася съ пѣвцомъ своимъ роднымъ,
И небо плакало тяжелыми слезами
Надъ ранами его, и молнія надъ нимъ
Сверкала синими, печальными огнями.
И блескъ тотъ озорялъ глубокіе глаза,
Недвижно тусклые, застывшіе, безъ жизни,
Ничья уже любовь, ничья уже слеза
Не возвратитъ пѣвца его отчизнѣ.
Онъ тихо задремалъ подъ бурю въ этой мглѣ,
И на откинутомъ, синѣющемъ челѣ
Лежала свѣтлая печать успокоенья...
Покончены послѣднія томленья,
Послѣдняя печаль на сумрачной землѣ...
Онъ смерть давно искалъ... Онъ подставлялъ ей грудь,
Всегда летя впередъ въ пылу кровавой сѣчи...
Какъ дѣти ищутъ мать, чтобъ сладко къ ней прильнуть,
Такъ жадно онъ искалъ желанной этой встрѣчи...
Давно онъ жить усталъ въ мертвящемъ полуснѣ,
Ни въ чемъ не находя безсмертнаго значенья...
Онъ, какъ свѣча, сгорѣлъ въ мучительномъ огнѣ
Исканья Божества и вѣчнаго сомнѣнья.
Порою кто-то въ немъ незримо пробуждалъ
Живыя сѣмена любви и упованья,
Но страшный коршунъ отрицанья
Съ кусками сердце ихъ безжалостно клевалъ.
То пѣснь его была до глубины полна
Слезами чистыми страданья и молитвы,
То горькій, жгучій смѣхъ въ себѣ несла она,
Зовя людскую ложь для новой, смертной битвы.
Порою этотъ смѣхъ впивался, какъ змѣя,
Во все великое, завѣтное, святое...
Но сердце бѣдное, безпомощно больное,
Все жаждало святынь, по Божеству скорбя,

И въ тѣ часы, когда надъ вѣрой, надъ любовью
Насмѣшки разсыпалъ онъ дерзкія свои,
Въ немъ сердце истекало кровью
Отъ муки и тоски по вѣрѣ и любви [1]).

. . . . . .

Евгеній Морозовъ.

15 іюля 1841 года.

Полвѣка ужъ прошло, какъ ты закрылъ глаза,
Глаза орлиные безсмертнаго поэта...
И разразилася тогда въ горахъ гроза,
Въ тотъ часъ, какъ ты погибъ для родины и свѣта.
Природа чудная воспѣтаго тобой,
Тебя принявшаго полуденнаго края
Какъ бы откликнулась на вздохъ послѣдній твой
И негодуя и рыдая.
И вѣсть нежданная, какъ грозовой ударъ,
Всѣ лучшіе умы въ Россіи поразила...
И умерли съ тобой—священный сердца жаръ
И мысли творческой божественная сила;
Померкъ безбрежный міръ возвышенной мечты,
Гдѣ въ пѣсни дивныя искусство претворялось,
Гдѣ, какъ изъ волнъ морскихъ богиня красоты,
Изъ волнъ стиховъ твоихъ поэзія рождалась.
Ты послѣ Пушкина былъ посланъ намъ одинъ,
Родной поэзіи высокій паладинъ,
Жизнь русская дала другого великана,
Но, какъ и перваго, сгубила слишкомъ рано.
Полвѣка ужъ прошло, но нѣтъ подобныхъ вамъ,
И пустъ безъ генія осиротѣлый храмъ
И некому прійти—въ немъ совершить служенье,
Какъ совершали вы, любимцы вдохновенья...
Оплакавшій его—ты умеръ вслѣдъ за нимъ
И непробудно спишь подъ камнемъ гробовымъ
Среди родныхъ полей, въ родныхъ твоихъ Тарханахъ...

---

[1]) „Путь-дорога“, С.-Пб., 1893, стр. 52—53.

Хоронимъ рано мы пѣвцовъ своихъ избранныхъ!
Полвѣка ужъ прошло... Изъ мѣди образъ твой
Воздвигнутъ тамъ, гдѣ путь окончилъ ты земной...
Но мнится... образъ твой остался выше... тамъ,
Гдѣ тучамъ съ сѣвера да царственнымъ орламъ
Такъ любо отдыхать, гдѣ твой Казбекъ угрюмый,
Тамъ, гдѣ твои парили думы...
Гдѣ вдохновеніе, какъ горный снѣгъ, сверкаетъ,
Гдѣ мысль, какъ сводъ небесъ, земное обнимаетъ,
Гдѣ область генія намъ душу просвѣтляетъ,
И лучъ безсмертія чело его вѣнчаетъ [1]).

1891.

Анатолій Александровъ.

Памяти М. Ю. Лермонтова.

Онъ, какъ пламенный свѣточъ, горѣлъ и угасъ...
Его жизнь молодая разбилась,
Быстролетной звѣздою скатилась...
Но наслѣдство осталось у насъ...

Полстолѣтья прошло—но живучъ и гремучъ
Изъ-подъ сердца, что гордо такъ билось,
Гдѣ свинцовая пуля вонзилась,
Бьетъ безсмертной поэзіи ключъ!

Въ немъ и думы глубокій сверкаетъ вопросъ,
Сердцу близкіе, русскіе звуки,
Отблескъ счастья, рыданія муки,
Умиленье молитвы и слезъ...

Побѣгутъ эти пѣсни изъ вѣка въ вѣка,
Будутъ жить и понть поколѣнья
Вѣчно юной волной вдохновенья...
Власть ихъ сердцу родна и близка! [2])

---

[1]) Стих., М., 1892, стр. 159—160.
[2]) „Моск. Вѣд.“, 1891, № 193.

К. Н. Льдовъ.

На панихидѣ.

15 іюля 1891.

Недавно, помню я, молились мы въ соборѣ,
Изъ купола лились полдневные лучи
На пеструю толпу, на лики и парчи,
И, мнилось, небесамъ не чуждо наше горе,
Не чуждъ духовный свѣтъ, сіявшій въ каждомъ взорѣ
Лучомъ сознанья неземнымъ...
И чѣмъ-то вѣяло роднымъ
Отъ этихъ скорбныхъ лицъ, отъ этихъ скорбныхъ
взоровъ.
Надъ прахомъ геній смолкаетъ шумъ раздоровъ,
Блѣднѣетъ зависть, и вражда
Нѣмѣетъ, гаснетъ безъ слѣда
Передъ величіемъ народныхъ приговоровъ.
Толпою тѣсною сюда
Пришли паломники, подвижники труда,
Родная молодежь колѣни преклонила:
Ихъ общая печаль въ семью соединила,
Сроднила горестныхъ созвучій красота,
И поминаютъ ихъ уста
Раба Господня Михаила.

Въ моей рукѣ горитъ прозрачная свѣча,
По сводамъ ширятся напѣвы панихиды,
Протяжной жалобой звуча
На сокровенныя обиды, —
Какъ будто Лермонтовъ витаетъ между насъ,
Скользя задумчивою тѣнью.
Онъ видитъ слезы этихъ глазъ,
Онъ внемлетъ скорбному моленью,
И, мнится, жаль ему покинутой земли...
Едва десятки лѣтъ надъ міромъ протекли,

Межъ тѣмъ какая перемѣна!
Народъ освобожденъ отъ тягостнаго плѣна,
И проникаетъ въ край родной
Стремленье къ участи иной...
И если иногда, сходя съ прямой дороги,
Мы уклоняемся отъ праваго пути,
И ищемъ выхода, и трудно намъ найти
Причину горестной тревоги,
Причину сумрачной тоски,—
На помощь къ намъ идутъ твои ученики
И, помня твой завѣтъ, бичуютъ страстнымъ словомъ
Порокъ, таящійся подъ блещущимъ покровомъ...
И слышенъ голосъ твой то въ смѣхѣ Щедрина,
То въ ѣдкой горечи, которою полна
Живая проповѣдь Толстого,
Въ слезахъ Некрасова, въ насмѣшкѣ Гончарова.
Не та же ль мощная струна
Звучитъ въ Тургеневскомъ сомнѣньи,
Въ его холодномъ упоеньи,
Въ его чеканной красотѣ?
И, волю давъ плѣнительной мечтѣ,
Ты въ даль временъ смотрѣлъ въ минуты вдохновенья.

Какія чудныя видѣнья
Еще провидѣлъ ты, поэтъ!

За годомъ годъ пройдетъ, промчатся сонмы лѣтъ,
Но твой тревожно-страстный геній
Все будетъ близокъ намъ. Какъ ароматъ куреній,
Какъ блѣдный дымъ кадилъ несутся къ небесамъ,
Такъ ты вознесся къ нимъ,—но, вѣрю я, и тамъ
Отъ чистыхъ радостей иной, безплотной жизни
Стремишься ты душой къ страдающей отчизнѣ,
Гдѣ «чувства лучшія» твои
Живыя пѣсни воплощали,
Гдѣ твой рѣзецъ занесъ на вѣщія скрижали
Завѣтъ застѣнчивой любви
Подъ маской гнѣва и печали.

II.

Памяти Лермонтова.

1.

Съ тѣхъ поръ полвѣка миновало,
Но скорбь народная о немъ
Живѣй и глубже съ каждымъ днемъ...
Такъ глыба горнаго обвала
Растетъ, растетъ въ пути своемъ.
И съ каждымъ часомъ, съ каждымъ днемъ,
Отцовъ ошибками богаты,
Богаты позднимъ ихъ умомъ,—
Мы все больнѣе сознаемъ
Всю глубину своей утраты.
И кто замѣнитъ, и когда
Пѣвца, угасшаго такъ рано?
Кто смѣнитъ краскою стыда
Самодовольныя румяна?
И кто любовь пробудитъ въ насъ
Глаголомъ пламеннымъ пророка?
Иль свѣточъ истины погасъ
Подъ жаломъ злобы и порока?..
Нѣтъ, не напрасно онъ сіялъ,
И не навѣки онъ затмился,—
Посѣвъ любви на землю палъ
И въ ней сторицей обновился.
Созвучій сладостный напѣвъ
И страсти голосъ благодатный,
И вдохновенный вѣщій гнѣвъ
Волной подхвачены народной.
Такъ съ умирающихъ цвѣтовъ
Осенній вихрь сдуваетъ зерна
И разсыпаетъ благотворно
На нивы будущихъ годовъ.

2.

Не смерть его была ужасна,
Была ужасна жизнь его;
Любилъ онъ много—и напрасно
Лелѣялъ въ сердцѣ Божество.

Недугъ суровый, скоротечный
Въ могилу мать его унесъ,
И онъ, младенчески безпечный,
Узналъ печаль разлуки вѣчной
И жажду слезъ, и горечь слезъ...

И скоро новую кручину
Послалъ ему зловѣщій рокъ,—
Отецъ, насильно чуждый сыну,
И жилъ и умеръ одинокъ.

Когда же юноша мятежный
Любовь впервые испыталъ,
На вдохновенья голосъ нѣжный,
Отвѣтъ насмѣшливо небрежный
Изъ устъ любимыхъ услыхалъ.

Онъ въ мірѣ скорби и страданья
Искалъ любви хотя земной,
Какъ тотъ, «просившій подаянья
У вратъ обители святой».

Но свѣтъ пророческую муку
Родной души не оцѣнилъ
И злобно «камень положилъ,
Въ его протянутую руку!»

3

По прочтеніи его неизданныхъ стихотвореній.

О, нѣтъ, не умеръ онъ!.. онъ спитъ глубокимъ сномъ,
Обвѣянъ грезами о мірѣ неземномъ,
Мечтою тайною лелѣемъ...

И царственный Кавказъ, надъ царственнымъ челомъ
Сверкаетъ пышнымъ мавзолеемъ.
Вершины горныя объяты тишиной...

Теряясь въ облакахъ, какъ помыслы поэта,
Онѣ возносятъ прахъ земной
Къ предѣламъ истины и свѣта...

Душою въ небесахъ и славой на землѣ
Онъ все еще живетъ,—и духъ его могучій
Играетъ въ прелести созвучій,
Какъ лучъ въ граненомъ хрусталѣ...

. . . . . .

Я слышу голосъ твой, печальный и пѣвучій,
Твой геній, Лермонтовъ, витаетъ надо мной,
И гордый демонъ твой, какъ братъ его родной,

Слезу украдкою роняетъ...
Онъ не грозитъ, не проклинаетъ,
И въ блѣдномъ обликѣ его
Сквозитъ былое божество—
И міръ въ тебѣ благословляетъ...

Какъ мнѣ понятенъ твой презрительный укоръ
И твой желѣзный стихъ, проникнутый тоскою,
И безпощадный приговоръ
Надъ развращенностью людскою!

Какъ мощный ураганъ надъ бездною морскою,
Пронесся бурно ты и бурно взволновалъ
Пучину сумрака, порока и обмана...

И клевета на грозный шквалъ,
Въ тебѣ никто не разгадалъ
Дитя того же океана!..

О, нѣтъ, не умеръ ты! И ненависть твоя,
И думы вѣщія о тайнахъ бытія,
Тобой воспѣтыя мятежно,

Переживутъ вѣка... И, о быломъ скорбя,
Лишь геній будущій доскажетъ за тебя,—
Какъ много ты любилъ, и какъ любилъ ты нѣжно!

III.

Пушкинъ и Лермонтовъ.

(1837—1841).

Два вѣщихъ генія являются мнѣ часто,
Два яркихъ образа, взлелѣянныхъ мечтой,
Два духа родственныхъ, два брата,—два контраста!
Одинъ, какъ полубогъ поэзіи святой,
Сіяетъ ровною и гордой красотой,
Базстрастною красой таинственной природы.
Какъ голубыхъ небесъ безоблачные своды,
Душа его чиста, прозрачна и ясна,
И звуковъ сладостныхъ полна,
Полна веселья и свободы.
Когда воздушные персты
Волшебной лиры прикасались,
Во всемъ навстрѣчу отзывались
Живыя струны красоты.
Въ немъ ровно бился пульсъ вселенной,
Онъ «раздраженью мысли плѣнной»,
Недугу скорби міровой,
Былъ чуждъ своею вдохновенной,
Уравновѣшенной душой.
Онъ все любилъ любовью равной,—
И ласку дѣвы своенравной,
Порывы чувства и страстей,
И пѣсни родины своей.
Любилъ и плескъ волны студеной,
И бой курантовъ надъ Невой,
«У лукоморья дубъ зеленый»
И колокольчикъ подъ дугой.
И, мнилось, онъ на все земное
Глядѣлъ съ небесной высоты,
И точно солнце золотое,
Не различалъ въ своемъ покоѣ
Различій дольней суеты.

Другой—съ мятежною и пламенной душою,
Казалось, былъ для битвъ и подвиговъ рожденъ,
И между тѣмъ, какъ гость печальныхъ похоронъ,
Свершалъ житейскій путь, поникнувъ головою.
Въ немъ чувства бурныя боролись безъ конца,
Его зловѣщаго и смуглаго лица
Улыбка ѣдкая почти не покидала,
А сердце нѣжное любило и страдало,
И ласки жаждало, и жаждало вѣнца...
Онъ рано жизнь узналъ, извѣдалъ человѣка
Въ глуши родимыхъ селъ и во дворцахъ столицъ,
И у подножія Казбека,
Среди воинственныхъ станицъ.
И всюду, всюду онъ дивился, негодуя,
На слѣпоту людей, на ихъ корыстный гнѣвъ,
И на коварство юныхъ дѣвъ,
И на отраву поцѣлуя.
Онъ самъ переболѣлъ недугомъ скорби вѣчной,
Сомнѣнья пережилъ и, демономъ томимъ,
Въ тоскѣ глубоко-человѣчной,
Скорбѣлъ страданіемъ земнымъ.
И взоръ его искалъ, тревожный и глубокій,
Разгадокъ бытія повсюду и во всемъ,—
Бѣлѣлъ ли парусъ одинокій
Въ туманѣ моря голубомъ,
Шумѣла ль передъ нимъ желтѣющая нива,
Неслись ли облака жемчужною грядой,—
Онъ вопрошалъ судьбу пытливо
О предрѣшаемомъ судьбой.
И, съ горечью клеймя родное поколѣнье
За равнодушіе къ пороку и добру,
Какъ врачъ, склонившійся къ печальному одру,
Онъ ждалъ... онъ вѣрилъ въ излѣченье.
Онъ ждалъ, онъ вѣрилъ, онъ любилъ.
Отчизну смѣлою любовью
И шелъ, въ избыткѣ юныхъ силъ,
Навстрѣчу черному злословью,—
И свѣтъ его не пощадилъ...

Какъ тотъ поэтъ, «невольникъ чести»,
Сраженъ преступною рукой,—
Онъ, бездыханенъ, палъ на мѣстѣ
Своей дуэли роковой.
И тѣ, что генія презрѣнной клеветою
Чернили за его правдивыя слова,
Когда опальная склонилась голова,
Почтили бренный прахъ притворною слезою.
И, вотъ, всего, къ чему стремился онъ душою,
Чего такъ пламенно при жизни онъ желалъ,
Любви сознательной, сознательныхъ похвалъ,
И лавровъ и цвѣтовъ, всего въ гробу дождался.
Жестоко злобный рокъ надъ нами посмѣялся!
Двумъ вѣщимъ геніямъ утѣшить насъ велѣлъ,
Но только голосъ ихъ пророчески раздался,—
На полусловѣ оборвался,
Въ родное небо улетѣлъ [1]).

В. Ярмонкинъ.

Памяти М. Ю. Лермонтова.

Къ тебѣ, поэтъ, жилецъ невѣдомыхъ міровъ,
Къ тебѣ, великій духъ, создатель думъ и грезъ,
Несется мысль моя...
Среди ниспосланныхъ намъ Господомъ даровъ,
Средь горя, радостей, среди любви и слезъ
Жива душа твоя...
Мнѣ грустно вспоминать, когда ты жилъ средь насъ,
И думалъ и мечталъ, молился и страдалъ,
Не зналъ никто тебя...
Смѣяся и шутя, въ душѣ своей не разъ
Ты мучился, болѣлъ и, какъ дитя, рыдалъ,
Не зная самъ себя...
Здѣсь, въ нашей юдоли и плача, и скорбей,
И радостей пустыхъ, напрасно всюду ты
Души родной искалъ...

---

[1]) Памяти Л—ва, Петроградъ, 1891.

Напрасно звалъ «ее», стремился вѣчно къ «ней»,
Не зналъ, куда бѣжать отъ жизни пустоты,
И сердцемъ изнывалъ...
Какъ странникъ, среди насъ, какъ житель неземной,
Ни въ дружбѣ, ни въ любви великій геній твой
Привѣта не нашелъ...
Ты былъ всегда одинъ, гонимъ вездѣ тоской.
Напрасно ты искалъ душѣ своей покой,—
Къ тебѣ онъ не пришелъ...
И, уходя отъ насъ, витая въ облакахъ,
Въ надзвѣздные края душою унесясь,
Въ эѳирѣ утопалъ...
И тамъ, среди чудесъ, въ невѣдомыхъ мірахъ,
Забывъ земную жизнь и къ небу обратясь,
Ты Бога познавалъ...
Непонятый никѣмъ, въ надеждахъ и мечтахъ
Обманутый людьми, ты сердцемъ погибалъ
Среди житейскихъ волнъ...
И, съ Богомъ говоря, носяся въ небесахъ,
Загробную тамъ жизнь ты духомъ прозрѣвалъ
И думою былъ полнъ...
Теперь ты тамъ, поэтъ, на родинѣ своей!..
Въ сіяньѣ чудныхъ звѣздъ и въ солнечныхъ лучахъ
Витаетъ геній твой...
О, если бы, родной, среди моихъ скорбей
Ты вдохновилъ меня, и въ жизни суетахъ
Ты далъ бы мнѣ покой!.. [1])

М. И. Лавровъ.

1.

Памяти М. Ю. Лермонтова.

(15 іюля 1841—1891 г.).

Родной поэтъ, дитя больного вѣка!
Въ дни рабства, слезъ, ты лирой дорогой
Будилъ въ душѣ уснувшей человѣка

[1]) „Звуки сердца“, Спб., 892.

Любовь къ добру и къ истинѣ святой.
Вокругъ тебя кипѣлъ развратъ безумный,
Вокругъ тебя царила ночи мгла,
Но въ царствѣ тьмы звучалъ твой голосъ чудный,
И къ свѣту пѣснь могучая звала.
Ты былъ врагомъ людей, довольныхъ тьмою,
И богу ихъ молиться ты не могъ:
Ихъ богъ былъ мракъ и лѣнь съ неправдой злою,
Твой Богъ былъ свѣтъ и правда—вотъ твой Богъ!
Ты окруженъ былъ вѣчными врагами,
Что вслѣдъ тебѣ кричали: здѣсь лазурь...
Зачѣмъ же ты съ безумными пловцами
Плывешь, поэтъ, навстрѣчу грозъ и бурь?
Но ты, ты плылъ, ихъ крикамъ не внимая,
Ты плылъ и пѣлъ: впередъ, мой утлый челнъ!
Пускай шумитъ, реветъ волна морская,
Я не вернусь. Впередъ, навстрѣчу волнъ!
Хоть много силъ въ душѣ твоей таилось,
Но ты, поэтъ, порой изнемогалъ;
Ты плылъ и пѣлъ, а море, море злилось,
Туманъ густѣлъ, и берегъ исчезалъ...
И ты погибъ среди пучины дикой
Людского зла, пѣвецъ нашъ дорогой!
Погибъ, какъ онъ, учитель твой великій,
«Сраженный, какъ и ты, безжалостной рукой».
Его судьба—твоя: все тѣ жъ гоненья
И та жъ толпа завистниковъ, невѣждъ,
И та же смерть, и та же жажда мщенья,
И та же боль обманутыхъ надеждъ.
И нѣтъ тебя! Смѣнились поколѣнья,
Прошли года и будутъ проходить;
Но для тебя, великій, нѣтъ забвенья,
Ты жилъ, живешь и вѣчно будешь жить.
Ты будешь жить въ тѣхъ пѣсняхъ мощныхъ, чудныхъ,
Что ты пропѣлъ, карая тьму, порокъ,
И не вплететъ теперь толпа безумныхъ
Колючій тернъ въ лавровый твой вѣнокъ.

2.

Экспромптъ, сказанный при подаркѣ сочиненій Лермонтова.

Я юношей любилъ его душою,
Съ нимъ засыпалъ, имъ бредилъ я во снѣ,
И вотъ теперь поэтъ, любимый мною,
Напоминать вамъ будетъ обо мнѣ [1]).

А. В. Кругловъ.

Памяти Лермонтова.

Преемникъ славнаго, великаго поэта,
Съ душой, похожею на бурный океанъ,
Ты по землѣ прошелъ, какъ яркая комета,
Разсѣявъ сладостный возвышенный обманъ
Въ сердцахъ, довѣрчиво считать привыкшихъ сказку
За слово истины; раздвинувъ пологъ тьмы,
Ты властною рукой сорвалъ съ очей повязку
И бросилъ жгучій ядъ сомнѣнія въ умы.
И то, какъ Прометей, на грозный споръ, на битву,
Въ безумной гордости ты Небо вызывалъ,
То въ умиленіи, въ слезахъ, шепталъ молитву
И пѣсни чудныя о небесахъ слагалъ.
Давно твой голосъ смолкъ, но горечью облитый
Твой стихъ стальной звучитъ—у всѣхъ онъ на устахъ—
И ты, пѣвецъ, рукой ничтожною убитый,
Живешь на родинѣ, живешь у насъ въ сердцахъ.
И если всѣ мы чтимъ безсмертный, дивный геній
Творца «Онѣгина», плѣняясь красотой
Его ласкающихъ и свѣтлыхъ пѣснопѣній,
Ихъ величавою спокойной простотой,
И если милы намъ они, какъ сводъ лазурный,
Какъ тихій шопотъ волнъ—они лелѣютъ слухъ,—
То дышитъ пѣснь твоя тоской и страстью бурной,

---

[1]) Стих., М., 1898. Ч. II.

И окрыляетъ мысль, и пробуждаетъ духъ.
Родство невольное мы чувствуемъ съ тобою,
И вѣримъ, что ты намъ, поэтъ, не даромъ данъ,
Похожій гордою, мятежною душою
На непокорный океанъ! [1])

Н. И. Колесниченко.

Памяти М. Ю. Лермонтова.

Тебѣ ль, творцу безсмертныхъ пѣснопѣній,
Тебѣ ль, поэтъ, украшенный вѣнцомъ,
Кто съ музой жилъ, въ комъ былъ могучій геній,
Мнѣ ль быть тебѣ, поэтъ, пѣвцомъ?..
Могу ли я съ своею слабой музой
Дерзнуть на то, чтобъ воспѣвать о томъ,
Кто съ лирой жилъ и геніемъ въ союзѣ,
Кто жилъ въ любви, экстазѣ лишь святомъ!..
Погибъ поэтъ!.. Тяжелая утрата!
Лишились мы великаго творца,
Поэта «Демона», «Валерика», «Два брата»,—
Погибъ поэтъ! Но духъ его живъ вѣчно,
Но о поэтѣ память будетъ вѣчно жить...
Почтимъ же память мы его сердечно
И все простимъ, и Богъ намъ все проститъ [2])

П. Б. Потѣхинъ.

Передъ гротомъ Лермонтова.

Вотъ гротъ поэта... Одинокій,
Отъ сусты мірской далекій,
Пѣвецъ Тамары черноокой
Душой здѣсь часто отдыхалъ
И строфы «Демона» писалъ...
Здѣсь все поэта вдохновляло,

---

[1]) Стих., М., 1897.
[2]) „Кавказскіе курорты“, 1912, № 7.

Ему картины рисовало
И думы въ образы слагало...
Природа музою была...
Пѣвцу вѣнокъ она плела...
На горы, скалы любовался,
Въ глухой скалѣ уединялся,
Какъ горный духъ, онъ наслаждался,
Въ скалахъ отраду находилъ
И близъ скалы той онъ почилъ [1])...

П. Б. Потѣхинъ.

Памяти М. Ю. Лермонтова.

Ты былъ и воинъ и поэтъ
И жилъ хотя немного лѣтъ,
Но пѣсенъ подарилъ немало:
Тебя подруга вдохновляла;
То муза пылкая была
И къ лаврамъ воина влекла;
Двѣ черноокія Тамары,
Черкесы, буйные татары,
Печоринъ—времени герой
Ей путь указывали твой...
И поражаемся замѣтной
Въ твоей поэзіи завѣтной
Какой-то двойственностью мы:
То потрясаются умы
Безумной, буйною отвагой,
Съ ножомъ, кинжаломъ или шпагой,
То міръ и нѣжная любовь
Въ насъ успокаиваютъ кровь;
Разочарованность порою
Слышна, съ отчаяньемъ, тоскою
Иль тихая, святая грусть,
Молитвы шопотъ наизусть...
Навѣрно, если бъ жилъ ты дольше,

---

[1]) Собр. стих. Спб., 1911, стр. 86.

Послѣднихъ слышалось бы больше.
Съ развитіемъ духовныхъ силъ
Ты міръ навѣрно бъ озарилъ
Лучами славы безконечной
Отъ перловъ музыки сердечной...
О! какъ ты мало жилъ, пѣвецъ,
И жаль, что лавровый вѣнецъ,
Который ты стяжалъ такъ рано,
Обвѣянъ сумракомъ тумана [1]).

Валерій Брюсовъ.

Къ портрету М. Ю. Лермонтова.

Ты намъ казался сумрачнымъ и властнымъ,
Безумной вспышкой непреклонныхъ силъ;
Но ты мечталъ объ ангельски-прекрасномъ,
Ты демонски-мятежное любилъ!
Ты никогда не могъ быть безучастнымъ,
Отъ гимновъ ты къ проклятіямъ спѣшилъ,
И въ жизни вѣрилъ всѣмъ мечтамъ напраснымъ:
Отвѣта ждалъ отъ женщинъ и могилъ!
Но не было отвѣта. И угрюмо
Ты затаилъ, о чемъ томилась дума,
И вышелъ къ намъ съ усмѣшкой на устахъ.
И мы тебя, поэтъ, не разгадали,
Не поняли младенческой печали
Въ твоихъ какъ будто кованыхъ стихахъ!

К. Д. Бальмонтъ [2]).

Къ Лермонтову.

Нѣтъ, не за то тебя я полюбилъ,
Что ты поэтъ и полновластный геній,
Но за тоску, за этотъ страстный пылъ
Ни съ кѣмъ не раздѣляемыхъ мученій,

---

[1]) Собр. стих. Спб., 1911, стр. 349.
[2]) Полное собр. стиховъ, т. III, „Горящія зданія“, М., 1908, стр. 115—116.

За то, что ты нечеловѣкомъ былъ.
О, Лермонтовъ, презрѣніемъ могучимъ
Къ бездушнымъ людямъ, къ мелкимъ ихъ страстямъ,
Ты былъ подобенъ молніямъ и тучамъ,
Бѣгущимъ по нетронутымъ путямъ,
Гдѣ только громъ гремитъ псалмомъ пѣвучимъ.
И вижу я, какъ ты въ послѣдній разъ
Бесѣдовалъ съ ничтожными сердцами,
И жесткимъ блескомъ этихъ темныхъ глазъ
Ты говорилъ: «Нѣтъ, я уже не съ вами!»
Ты говорилъ: «Какъ душно мнѣ средь васъ!»

О. Н. Чюмина.

Памяти Лермонтова.

Тянутся горы далекою цѣпью,
Коршунъ въ лазури крутится надъ степью,
Вѣтеръ качаетъ ковыль,
Вѣтеръ повѣялъ вечернею лаской,
Въ сердцѣ воскресла волшебною сказкой
Старая быль.

Здѣсь у подножья горы-великана,
Въ заревѣ молній, во мглѣ урагана,
Палъ онъ—пѣвецъ молодой,
Тамъ, гдѣ пышнѣй разрослася осока,
Высится въ горной стѣнѣ одиноко
Камень сѣдой.

Люди, въ стремленьѣ къ наживѣ упорномъ,
Путь проложили къ вершинамъ нагорнымъ,
Грозный разрушивъ оплотъ;
Умеръ Кавказъ непокорный и дикій,
Пали твердыни,—одинъ лишь великій
Геній поэта—живетъ [1]).

---

[1]) „Осенніе стихи". Спб., 1908. Стр. 71.

Борисъ Садовской.

Къ памятнику Лермонтова въ Пятигорскѣ.

Ряды акацій садъ обстали.
Въ нихъ золотой дробится свѣтъ,
Одинъ на бѣломъ пьедесталѣ
Ты замеръ, бронзовый поэтъ.

Подъ солнцемъ знойнымъ, солнцемъ жгучимъ
Ты съ дальнихъ горъ не сводишь глазъ,
А тамъ возноситъ къ бѣлымъ тучамъ
Громады снѣжныя Кавказъ.

Но, взоромъ сумрачно-тяжелымъ
Пронзая вѣчно ночь и день,
Не мчишься ль ты къ родимымъ долямъ,
Къ огнямъ печальныхъ деревень?

О, какъ была тебѣ знакома
Отрада тихихъ сельскихъ грезъ,—
Изба, покрытая соломой,
Чета бѣлѣющихъ березъ!

Но Демонъ, царь тоски безбрежной,
Въ свой дикій край умчалъ тебя,
И ты, довѣрчивый и нѣжный,
Молясь, грозилъ и клялъ, любя.

Тоскуя сердцемъ о лазури,
Въ подземный мракъ стремился ты,
И здѣсь, подъ ревъ и грохотъ бури,
Осуществилъ свои мечты.

Но духъ твой—примиренъ ли съ тѣмъ онъ,
Что колыбель ему—Кавказъ?
Не мчится ль онъ, какъ черный Демонъ,
Къ роднымъ полямъ въ закатный часъ? [1])

---

[1]) „Позднее утро“, М., 1909, стр. 84.

В. А. Гиляровскій.

Памяти Лермонтова.

Тамъ, гдѣ тучи залегли
Межъ расщелинъ скалъ угрюмыхъ,
Гдѣ орелъ въ свободныхъ думахъ
Рвется къ небу отъ земли,
Эльборуса грань сверкаетъ,—
Все мнѣ тамъ напоминаетъ
Чудный сонъ минувшихъ дней:
Онъ изъ этихъ скалъ угрюмыхъ
За орломъ въ свободныхъ думахъ
Мыслью огненной своей
Надъ снѣгами поднимался,
Къ солнцу пылкимъ сердцемъ рвался,
То лучомъ въ ночи горѣлъ,
То звѣздою предразсвѣтной
Надъ толпою безотвѣтной
Въ мертвомъ сумракѣ блестѣлъ...
Тамъ, гдѣ тучи мирно спятъ
На нѣмыхъ снѣгахъ Казбека,
Тамъ отъ вѣка и до вѣка
Тихоструннныя звучатъ
Въ блескѣ розовомъ разсвѣта
Думы свѣтлыя поэта [1]).

1911 г. Іюль. Лермонтовская скала.

---

[1]) „Пятигорское Эхо“. 1911 г.

В. Ш.

Лермонтовъ. На пятидесятилѣтіе со дня его смерти.

I.

На утренней зарѣ его весны
Къ нему слетали свѣтлыя видѣнья,
Прекрасные, чарующіе сны.
Не вѣдалъ онъ тяжелыхъ мукъ сомнѣнья,
Иной въ своей душѣ онъ создалъ міръ,
Иныхъ людей и свѣтъ и жизнь земную
Онъ превратилъ въ чистѣйшую, иную,
И роемъ грезъ онъ населилъ эѳиръ,
И для него земля желаннымъ краемъ
Была тогда, и міръ казался раемъ.

II.

Но рано онъ узналъ людей и свѣтъ,
Разбились рано свѣтлыя мечтанья,
Найдя въ любви—обманъ, а въ дружбѣ—бредъ,
Онъ затаилъ въ груди своей страданья;
Леталъ предъ нимъ пустынею нагой
Міръ, потерявъ чарующія краски,
И вмѣсто лицъ, бездушныхъ куколъ маски
Вокругъ мелькали. Блѣдный свѣтъ, другой
Увидѣлъ онъ—съ печатью мертвой скуки,
Но лишь въ себѣ нашелъ источникъ муки.

III.

Томясь, страдая, пламенно любя,
Обманутый холодностью людскою,
Онъ ненавидѣлъ больше всѣхъ себя,
И сердце отравилъ свое тоскою:
И сталъ искать забвенья въ жизни онъ,
Любовь онъ сдѣлалъ праздною забавой,
Смѣясь надъ скорбью правой и неправой,

Онъ презиралъ и свой щемящій станъ,
Ища забавъ,—считая жизнь игрою,
Онъ занималъ, какъ шутъ, себя порою.

IV.

Но можно ль жить безъ вѣры, безъ надеждъ,
Счастливыхъ дней не помня, не желая,
Кружась въ толпѣ фигляровъ и невѣждъ,
Когда вся жизнь—лишь призракъ, шутка злая?
Забвенія въ забавахъ не найти.
Изсякнутъ всѣ источники волненій,
И снова горькихъ думъ и скорби геній
Становится безмолвно на пути,
И даль темна, дни прошлаго—унылы,
И ждетъ покой лишь въ сумракѣ могилы.

V.

онъ нашелъ его. Гдѣ въ небесахъ
Бѣлѣютъ снѣжные хребты Кавказа,
И какъ ладьи на легкихъ парусахъ,
Проходятъ тучки; гдѣ, какъ блескъ алмаза,
Горитъ звѣзда и плещетъ въ берега
Суровый Терекъ—тамъ, вдали отчизны,
Съ по укоризны
Онъ кончилъ жизнь подъ пулею врага.
Затихъ поэтъ подъ мирной сѣнью гроба,
Но пѣснь его звучитъ,—и смолкнетъ злоба.

VI.

Въ сіяніи торжественномъ надъ нимъ
Возносится колонной величавой
Высокій памятникъ, и онъ хранимъ
Народною любовью, вѣчной славой.
Хуля невѣждъ, присяжныхъ судій хоръ,
Ихъ поздній смѣхъ—и лепетъ порицанья,
Какъ надъ могилой вѣтра завыванья,

Звучитъ еще порою до сихъ поръ.
Но жалки всѣ они предъ мнѣньемъ свѣта
И славою нетлѣнною поэта.

VII.

Забудемъ ихъ; убійцу мы простимъ,—
Онъ больше ль виноватъ, чѣмъ всѣ другіе,
Разбившіе безчувствіемъ своимъ
Поэта жизнь и счастье въ дни былые?
О, тяжелѣй смертельнаго свинца
И капля слезъ души осиротѣлой!
Не искупить тѣхъ слезъ намъ жизнью цѣлой,
Не замолить обиды до конца!
Лишь памятью признательной порою
Заплатимъ долгъ поэту и герою.

VIII.

Одинъ, какъ безпріютная звѣзда,
Бродившая въ сверкающемъ эѳирѣ,
Гдѣ блещутъ звѣздъ невѣдомыхъ стада,
Изгнанникомъ блуждалъ онъ въ нашемъ мірѣ—
Онъ чуждъ душой былъ нашихъ думъ и дѣлъ,
Отвергнувъ пошлыя условья свѣта,
Покорный злому жребію поэта,
Онъ одиночество избралъ въ удѣлъ.
Непонятый, томясь тоскою жгучей,
Мелькнулъ онъ и погасъ звѣздой падучей [1]).

Вл. Классонъ.

За дымкой лѣтъ.

Прогремѣлъ выстрѣлъ...
Не стало поэта...
Порвалась юная жизнь... Порвались струны...

---

[1]) „Моск. Иллюстр. Газета“, 1891, № 182.

Зазвучала міру недоконченная
Гармонія послѣдняго аккорда.
И нѣтъ пѣвца. И не раздастся вновь
Средь шума суеты аккордъ его созвучій,
И лира сломана и цѣпью яркихъ словъ
Не разнесется пѣснь души его могучей...
Мы сохранимъ тѣ пѣсни навсегда,
Мы жадно сохранимъ плоды тѣхъ вдохновеній,
Пусть блещетъ имя то, какъ ясная звѣзда,
Какъ дальній идеалъ въ годины злыхъ сомнѣній [1]).

М. Гальперинъ.

Въ гротѣ Лермонтова.

Какъ въ храмъ священный и завѣтный,
Я въ молчаливый гротъ вступилъ—
И полный скорби безпредметной
Печально голову склонилъ...
Я здѣсь, гдѣ ты, поэтъ опальный,
Забывъ земли постылый шумъ,
Окованъ властью чуждыхъ думъ,
Сидѣлъ задумчиво печальный...
Я здѣсь—подъ этимъ низкимъ сводомъ,
Гдѣ чудныхъ пѣсенъ свѣтлый рой,—
Еще непризнанныхъ народомъ,
Парилъ надъ гордой головой.
Одинъ вдали отъ шума жизни,
Вдали отъ сѣренькихъ людей,
Душой привязанный къ отчизнѣ
И думой вѣчно только съ ней,
Сидѣлъ ты долгими часами
Здѣсь въ сердцѣ старца-Машука,
И мѣрно строки за строками
Чертила быстрая рука.

---

[2]) „Кавказскій Край“ 1911, № 156.

Порой лишь пламенно-блестящій
Твой вдохновенно-смѣлый взоръ
Стремился вдаль къ грядѣ манящей
Глядящихъ ввысь Кавказскихъ горъ...

И, можетъ-быть, не разъ, безъ цѣли
Бродя средь дремлющихъ громадъ,
На мѣсто роковой дуэли
Бросалъ ты равнодушный взглядъ...

Какъ и тогда, стоятъ титаны,
Храня молчаніе вѣковъ,
Порою кутая въ туманы
Свои вершины изъ снѣговъ...

Они полны глубокой тайной!—
Ее повѣдалъ имъ поэтъ—
И, гордо глядя въ міръ безкрайный,
Хранятъ ту тайну много лѣтъ.

Приди, народъ, и поклонись имъ:
Здѣсь тотъ грустилъ, средь этихъ скалъ,
Кто былъ свободно-независимъ,
Кто гордо жилъ и гордо палъ [1])...

Г. Рыбинцевъ.

Терцины къ Лермонтову.

Тебѣ принесъ я въ умиленьи
Молитву тихую любви,
Земное первое мученье
И слезы первыя мои... (*Демонъ*).

И пронеслись семь горестныхъ десятилѣтій,
Какъ семь нѣмыхъ, унывно бѣлыхъ лебедей!
И вновь грустимъ о скорбно-дѣвственномъ поэтѣ,
Что былъ такъ странно одинокъ среди людей,

---

[1]) „Пятигорское Эхо“, 1911, № 155.

Что слышалъ ангеловъ тоски полетъ незримый,
И весь пылалъ въ потокѣ демонскихъ страстей—
О Лермонтовъ!—поэтъ тоски неутомимой,
Люблю тебя, твои блаженныя мѣста,
Гдѣ ты мечталъ, проклятою судьбой гонимый,
Гдѣ голосъ твой звучалъ отрадный, какъ мечта,
И звалъ, томилъ сердца невыразимымъ свѣтомъ,
Гдѣ вѣтеръ цѣловалъ печальныя уста.
Ты преданъ былъ своимъ таинственнымъ завѣтамъ,
Ничтожество людей презрѣніемъ кляня;
И міръ прошелъ чужимъ, обойденнымъ поэтомъ.
Ты—небу братъ, тебѣ такъ предана заря!
Прости пустой толпѣ «мой недоцвѣтшій геній»
Душой, исполненной лазурнаго огня.
Ты такъ усталъ отъ ропота своихъ мученій,
Ты чуждъ толпѣ съ своей «пророческой тоской»—
Здѣсь не нашелъ себѣ пріютъ святыхъ забвеній
И опочилъ, сраженный мерзостной рукой...
Но будетъ Божій судъ наперсникамъ разврата,
Есть грозный судія надъ злобною толпой:
Имъ небо отомститъ за смерть родного брата,
Имъ не дастъ рай блаженствъ живительной любви.
Для насъ ты—тяжкая, извѣчная утрата.
И стоны мукъ, «и слезы первыя твои»
Я сердцемъ сохраню въ блаженномъ умиленьи,—
Ты будешь жить въ моей пылающей крови,
Какъ лучшихъ дней монхъ—живое озаренье
Высокихъ чувствъ—моя нетлѣнная мечта!
Ты, Лермонтовъ—«земное первое творенье»,—
Въ тебѣ сплелись такъ нѣжно скорбь и красота [1]).

---

[1]) „Пятигорское Эхо“, 1911, № 155.

Н. С. Поповъ.

Памяти М. Ю. Лермонтова.

По поводу посѣщенія поэтомъ въ 1841 году усадьбы „Мишково“ Орловской губ.

Какъ предъ священною руиной,
Невольно я главу склонилъ
Въ покояхъ тѣхъ, гдѣ предъ кончиной
Поэтъ безмертнѣйшій гостилъ.

——

Облитый горечью и страстью,
Его могучій, дивный стихъ
Давно для родины, къ несчастью,
Въ аккордѣ пламенномъ затихъ.

——

Но пѣсни жгучія, живыя,
И геній юнаго пѣвца
Переживутъ вѣка сѣдые,
Какъ пережили ихъ творца.

——

Что дѣлалъ онъ, пѣвецъ страданья,
Гостя въ деревнѣ здѣсь, въ тиши,
Мечталъ ли онъ о дняхъ свиданья
Иль жаждалъ онъ родной души?

——

Или предчувствіемъ томимый
Онъ полонъ былъ печальныхъ думъ,
И какъ всегда, непостижимый,
Искалъ забвенья гордый умъ?

——

Зачѣмъ его судьбы гоненье
Влекло далеко такъ отъ насъ,
И такъ, блеснувши на мгновенье,
Онъ такъ безвременно угасъ?

——

Но скорбь прошла. Минута эта
Здѣсь снова памятью полна
О славномъ геніи поэта,
Чье имя Русь любить должна [1]).

С. „Мишково".
15 іюля 1902 года.

Н. Козловскій.

Памяти геніальнаго и незабвеннаго русскаго поэта Михаила Юрьича Лермонтова.

На 15 іюля 1891 года по случаю пятидесятилѣтія со дня его кончины.

Прошло полвѣка, какъ поэтъ,
Сраженный пулей роковою,
Умолкъ навѣкъ во цвѣтѣ лѣтъ,
Оплаканный страной родною...

* * *

Покамѣстъ будетъ міръ сіять,
Шумѣть народные витіи,
Онъ будетъ музой восхищать
И будетъ дорогъ для Россіи...

* * *

Его безсмертный, жгучій стихъ
Расширилъ наши кругозоры:
Онъ былъ пѣвецъ идей живыхъ,
Пѣвецъ любви, пѣвецъ Авроры!..

* * *

Кто вмѣстѣ съ «Мцыри» не блуждалъ,
Подъ «Валерикомъ» не былъ въ битвѣ
И съ увлеченьемъ не внималъ
Очаровательный «Молитвѣ»?

---

[1]) Воспоминаніе о пребываніи М. Ю. Л—ва въ Орловской губ. Историческая справка В. Смысловскаго. Ор., 1909, стр. 3—4.

* * *

Кого въ эѳиръ не уносилъ
«Печальный демонъ, духъ изгнанья»?..
Кто наизусть не затвердилъ
Передъ «Тамарой» заклинанья?

* * *

О, будетъ Лермонтовъ вовѣкъ
Живой источникъ вдохновенья:
Въ его твореньяхъ человѣкъ
Находитъ мощь для возрожденья.

* * *

И, силой генія согрѣтъ,
Идетъ бодрѣй къ завѣтной цѣли...
Нѣтъ, нѣтъ! не даромъ пѣлъ поэтъ
Изъ чудодѣйственной свирѣли!..

* * *

Но животворною мечтой
Насъ увлекалъ съ дороги узкой...
Онъ—царь поэзіи земной!
Онъ—бардъ страны могучей русской!!

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Предисловіе 3

ОТДѢЛЪ I:

Висковатовъ: Размышленія 5
„ Наброски. 7
„ На просторъ 14
„ Раненый 15
Д. Д. Минаевъ: Мелочи и отрывки 16
„ „ „ Hinaus 20
С. Яхонтовъ: Затерянныя стихотворенія Лермонтова. . . . . —
П. Ф. Якубовичъ: „ „ „ 21
П. К. Мартьяновъ: Г-жѣ Гоммеръ де Гелль 26

ОТДѢЛЪ II:

Евфразія. 27
Повѣрю совѣсти 28
Винтовка . . . . . —
Привѣтствую тебя . . . . . —
Не измѣнилося 29
Когда я гордую . . . . . —
Забываю любовь 30
Отвѣтъ. 31
Разлука 32
Когда легковѣренъ 33
Эпиграммы. . . . . —
И на театрѣ 38
Смерть. . . . . .
И ты думаешь . . . . . —
Сонъ. 39
Баллады 41

ОТДѢЛЪ III:

	Стр.
Гр. Е. П. Растопчина	43
„	44
Hommaire de Helle	45
„ „ „	46
П. П. Мятлевъ	48
Е. А. Баратынскій	—
П. А. Гвоздевъ	49
В. Анненкова	50
„ „	51
„ „	—
Н. М. Сатинъ	52
„ „ „	53
Н. Вуичъ	54
Н. Звѣревъ	55
А. Савинскій	56
А. Петровъ	57
В. П. Красовъ	—
П. П. Панаевъ	58
М. П. Розенгеймъ	—
П. Алексѣевъ	62
Н. М. Минскій	64
А. Н. Апухтинъ	66
Памяти Лермонтова	67
Барсовъ	68
Н. Соймоновъ	69
А. Крапоткина	—
П. Афросимовъ	70
Курсовая	71
П. Прохановъ	72
Л. П. Пальминъ	74
„ „ „	75
В. Н. Ладыженскій	—
П. П. Горбуновъ-Посадовъ	76
Е. Морозовъ	78
А. Александровъ	79
К. Н. Льдовъ	80
В. Ярмонкинъ	87
М. П. Лавровъ	88
А. В. Кругловъ	90
П. П. Колесниченко	91
П. В. Потѣхинъ	—
„ „ „	92
В. Я. Брюсовъ	93
К. Д. Бальмонтъ	—

Стр.

О. Н. Чюмина 94
Б. А. Садовской 95
В. А. Гиляровскій 96
В. Ш. . . . . —
В. Классонъ. 99
М. П. Гальперинъ 100
Г. Рыбинцевъ 101
Н. С. Поповъ. 103
Н. Козловскій 104

Цѣна 40 коп.,

въ папкѣ 55 коп.